

Мирослава Чайка

ПРОЗРАЧНЫЙ ДОМ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

ИСПЫТАЙ СВОИ
ЦЕННОСТИ НА ПРОЧНОСТЬ

Мирослава Чайка

Прозрачный дом

«Автор»

2023

Чайка М.

Прозрачный дом / М. Чайка — «Автор», 2023

Добро пожаловать в закрытую школу! Здесь действует только одно правило выживания - держать язык за зубами. Оказавшись на грани нищеты после гибели отца, семья Громовых вынуждена поселиться в мрачном учительском доме, да еще и в "проклятой квартире". Новые жильцы сразу чувствуют, что им здесь не рады, но почему? Неужели все вокруг что-то скрывают? Ника и Сережа Громовы хотят разобраться, но вскоре у них появляются собственные проблемы. Ника влюбляется в местного хулигана Родиона, кажется, за ним тянется весь шлейф пороков. А тайная любовь Сережи и молоденькой учительницы Полины вовсе запретна и безрассудна. Но что если Полина затеяла эту опасную игру, только ради того, чтобы скрыть другое свое преступление.

© Чайка М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Переезд	6
Глава 2. Новенькая	17
Глава 3. Банный день	27
Глава 4. Кабинет № 26	31
Глава 5. Пра – ле, пра!	41
Глава 6. Непрошенный гость	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мирослава Чайка

Прозрачный дом

*С глубочайшей любовью и благодарностью
книга посвящается Чайка И.И.*

Я стою здесь на лобном месте,
Будет казнь. Сам себя я казню.
А. Руссоник, 1971

Глава 1. Переезд

Юноша в порыве отчаяния, с остервенением, голыми руками начал рыть могилу. Липкая, холодная глина застревала между пальцев и ранила кожу под ногтями. Лишенные укрытия дождевые черви уродливо скручивались, в нос бил запах сырости и прелой листвы. Казалось, мгновение – и эта грязная масса погребет и его самого.

Еще час назад этот парень стоял в большом светлом кабинете и испуганно озирался по сторонам. Стукнула дверца белого медицинского шкафа, и неприятно задребезжали стоявшие на стеклянных полках флакончики с лекарствами.

– Ему будет больно? – услышал парнишка свой голос словно со стороны, стараясь не смотреть на шприц в руке рослой молодой женщины.

– Нет, сейчас он расслабится, может быть, вырвет, а потом я сделаю еще один укол, и он уснет, – ответила врач, бросив в урну пустую ампулу и уже совсем бездушно добавила: – Уснет, так сказать, вечным сном.

От лица юноши отхлынула кровь. Он почувствовал приступ тошноты, как будто стошнить должно было его самого, а потом встретился взглядом с зелеными глазами кота. Ему показалось, что в этом блуждающем взгляде истерзанного собаками животного таилась мольба о помощи. Он не выдержал и схватил ветеринаршу за холодную руку:

– Стойте, не надо его усыплять!

– Галя, смотри, малец-то совсем бледный. Я сама подержу котика, – вмешалась пожилая женщина в белом мятом халате, внимательно всматриваясь в зрачки подростка. Она ткнула ему под нос вату с резким запахом нашатыря и выставила за дверь.

Спустя минут двадцать все та же медсестра всучила ему в руки туго спеленатое тело любимого кота. Она ничего не сказала, но сочувственно кивнула и сразу повернулась к людям в очереди. А парнишка, боясь прижать к себе мертвого четвероного друга, который почему-то стал тяжелее, чем раньше, медленно, не чувствуя земли под ногами побрел в лесополосу. Именно там он и начал рыть могилу.

– Прости, Атом, я не смог тебя спасти на этот раз, – причитал он, размазывая по лицу слезы вперемишку с комками коричневой глины, налипшей на руки, – я сто раз тебе говорил не перелезать через балкон, не задирать собак, но ты не слушался, вот и попал под раздачу.

Положив тело кота на дно вырытой ямы, он еще долго сидел на земле, не в силах засыпать его навсегда. Этот жест казался ему чудовищней самой смерти – оставить Атома здесь одного в холоде, в темноте. Парень еще раз в отчаянии всхлипнул и последний раз дотронулся до холодного свертка.

Дорога домой лежала через центр, но сегодня город казался чужим и безжизненным. Юноша не замечал людей, которые шли навстречу, задевая кто сумкой, кто плечом. Не слышал визга тормозов и сигналов автомобилей на пешеходных переходах, не остановился он и у бочки с квасом, хотя испытывал нестерпимую жажду, а все еще видел перед глазами блуждающий взгляд Атома в последние секунды его жизни.

Им с котом было по шестнадцать лет, и за все эти годы они почти никогда не расставались. Теперь кота не было, а в душе разрасталась гнетущая пустота и нестерпимо хотелось сделать что-нибудь ужасное. Юноша ускорил шаг, надеясь прийти домой раньше отца. Он знал, что на антресолях тот хранил большие трехлитровые банки со спиртом, но он не хотел напиться, а представлял себе, как разобьет эти банки вдребезги, одну за другой. Всю квартиру пропитает прозрачная жидкость и едкий запах, а он возьмет спичку и подожжет сначала диван, потом письменный стол, кровать, пройдет немного времени – и весь дом будет полыхать в огне... И когда юноша уже начал представлять, как пожар перекинется на чердак, его окликнул женский голос:

– Мальчик, это здание интерната?

– Да, – машинально ответил парнишка, не оборачиваясь, и только когда последовал второй вопрос, он остановился и повернулся, будто возвращаясь из забытья: – Что вы сказали, я не расслышал?

– Я спрашиваю, ты случайно не знаешь, где здесь учительский дом? – повторила дама и улыбнулась теплой искренней улыбкой, образовавшей по ямочке на каждой ее щеке. Большие голубые глаза женщины немного сузились, и крошечные морщинки вокруг них напомнили лучики солнца, от которых на сердце юноши неожиданно стало теплее. Как бывает, когда вы с мороза, и вам вдруг кто-то подает кружку горячего чая.

– Знаю, – ответил он просто, как будто говорил со старым знакомым, и, сделав жест рукой, добавил: – Идите за мной, нам с вами по пути.

Молодая женщина с облегчением выдохнула и, чтобы поспеть за парнишкой, засеменила своими стройными ногами в прозрачных капроновых чулках, которые заставляли периодически соскальзывать одну туфельку. Женщина и парень спешно шли по асфальтированной дорожке, с правой стороны возвышались административные здания, на стене одного из них на огромной красной растяжке большими белыми буквами был выведен лозунг: «Партия – бессмертие нашего дела!». Юноша видел эту надпись не раз, но сегодня его особенно задело слово «бессмертие». Он грустно ухмыльнулся и снова погрузился в тяжелые воспоминания – неужели однажды его так же закопают, как он сегодня Атома. Вот так засыпят свежей землей и забудут. Он же не Ленин и не Александр Македонский, чтобы его вечно помнили.

Он шагал почти машинально, повесив голову, и, казалось, совсем позабыл, что является провожатым, пока они не достигли зеленого массива, напоминавшего большой парк, огороженный кованым забором. Но уже у самой ограды стало понятно, что это вовсе не парк, поскольку в просвет между крон высоких тополей и раскидистых кленов начали угадываться силуэты двух зданий, стоящих лицом друг к другу. Когда они подошли еще ближе, то молодая женщина заметила, что эти трехэтажные корпуса соединены между собой стеклянным переходом. Стекло бликовало на солнце, периодически вспыхивая среди зеленого моря листьев.

– Это учебный и спальный корпус интерната, – отворяя железную калитку миниатюрных, несоизмеримых с протяженностью ограды ворот, начал объяснять юноша, а потом махнул рукой в противоположном направлении и добавил: – А там, за школьным стадионом, находится учительский дом.

Дама будто попала в таинственный сад. Калитка громко захлопнулась, отделив ее от реального мира. Тенистые аллеи, шумящие листвой огромные деревья казались заколдованными. Они словно стеной оградили женщину от остального города, склоняли к ней свои листья и что-то тихо и тревожно шептали, а от сладкого аромата густых зарослей цветущего чубушника и вовсе было нестерпимо душно. Женщине отчего-то сделалось не по себе, и она снова поспешила за своим провожатым, чувствуя себя Алисой, спешащей за Белым Кроликом.

«Надеюсь, ни Безумного Шляпника, ни злой Королевы я здесь не встречу», – подумала она, вглядываясь туда, где, судя по жесту юноши, находился учительский дом, но из-за кучно растущих акаций ничего не было видно. Тогда она окликнула юношу, чтобы уточнить, но когда он обернулся, то вместо вопроса проронила, словно извиняясь:

– Твое лицо испачкано землей. Возьми мой платок.

Юноша густо покраснел, но от платка не отказался, а дама, стараясь сгладить конфуз, спросила, как его зовут.

– Родик, то есть Родион, – представился юноша, пригладив свои блестящие на солнце черные волосы. Он казался взрослее своих лет, потому что не было в нем ни юношеской нескладности, ни излишней худобы.

– А я Ольга Васильевна, – доставая из своей белой сумочки, похожей на крошечный ридикюль, круглое зеркальце, проговорила дама и, протянув его юноше, снова улыбнулась. – А почему ты идешь в учительский дом?

– Я там живу, а вы приехали к кому-то в гости?

– Нет, я тоже собираюсь поселиться в этом доме.

Ольга Васильевна гордо вскинула голову, словно речь шла не о панельном двухэтажном доме с единственным подъездом, а о королевском дворце.

– Да ну?! В проклятой квартире? – вытаращив глаза выпалил парнишка, но потом спохватился и, надеясь, что Ольга Васильевна не услышала его возгласа, продолжил как ни в чем не бывало: – Свободная квартира есть только на первом этаже, оттуда библиотекаря съехала. А мы как раз над вами будем, жаль только у вас нет балкона, мы на нем с отцом рыбу сушим...

Родион начал воодушевленно рассказывать о ставке, расположенном недалеко от их теперь общего с женщиной дома, словно так старался заглушить в душе боль только что постигшей его утраты. И хотя темная полоса под ногтями от глины и ноющая боль в области груди все еще мучительными толчками отбрасывали его к событиям получасовой давности, но присутствие незнакомки удивительным образом наполнило его душу смирением. Будто само провидение отправило Ольгу Васильевну специально на эту дорогу, чтобы помочь ему справиться с первым настоящим горем в жизни. Родион силился вспомнить имя этой женщины, стыдась спросить еще раз, не подозревая, что пройдет совсем немного времени, и имя Ольга, Ольга Васильевна, Оля, Оленька станет самым популярным во всех без исключения квартирах спрятанного в тени густо растущих акаций таинственного учительского дома.

На следующий день было воскресенье. Воскресенье, которое, по мнению Ольги Васильевны, предназначалось для того, чтобы как следует выспаться, а потом понежиться в постели часов до одиннадцати с книгой в руках или придумывать фасон нового платья, гадая по доносившимся из кухни запахам, что кухарка готовит на завтрак. Поэтому, опираясь на свой жизненный опыт, она решила машину для переезда заказать на раннее утро, чтобы не выставять на всеобщее обозрение свой скарб, хотя показать ей было что. Но так как дом, в который Ольга

Васильевна переезжала, был населен исключительно работниками школы-интерната, жители его имели стойкую привычку вставать очень рано и не изменяли ей даже в воскресенье.

Оттого-то, когда в семь часов утра машина, до отказа набитая мебелью, бесчисленными чемоданами и коробками въехала во двор дома номер 1, окна и балконные двери уже были распахнуты, из радиоприемников доносились бодрые звуки утренней гимнастики: «Выпрямитесь, голову повыше, плечи слегка назад, вдохните, на месте шагом марш». В дальнем углу двора у старенького горбатого запорожца, подняв крышку капота, возился пожилой мужчина, получая советы от жены из открытого настежь окна.

– Вот это мы приехали! – не сумев сдержать досады воскликнула Ольга Васильевна и даже всплеснула руками, но потом вспомнила, что рядом сидит малознакомый водитель, и уже более сдержанно продолжила, обращаясь к нему: – Ну что ж, будем разгружаться.

Появление чужого автомобиля во дворе, да еще груженного мебелью, вызвало у жителей дома небывалый переполох. Зашевелились шторы на окнах, на балконы выбежали ребятишки, дожидывая свой завтрак, степенно вышли мужчины сплошь в полосатых пижамах с сигаретами в руках или с недочитанной вчерашней газетой.

– Нина, смотри, похоже старшая пионервожатая приехала, про которую на педсовете говорила директриса, – стоя в балконных дверях с бутылкой кефира в руках заговорил высокий седовласый мужчина и, довольно улыбаясь, подкрутил пушистые усы. – Молоденькая еще, наверное, нет и тридцати пяти, и прехорошенькая.

Нина Ивановна Суходольская, пятидесятилетняя учительница химии, кинула на мужа недовольный взгляд и сказала, чтобы тот садился есть оладьи, а то они совсем застынут. Она делала вид, что приезд нового обитателя их дома ее совсем не интересует. Но как только муж вернулся к столу, она, слегка отодвинув накрахмаленный тюль, краем глаза взглянула в окно.

– Хм, все тридцать семь, а может, и того больше, – парировала химичка и была абсолютно права. Ольге Васильевне действительно было тридцать семь лет. И как только с кузова машины прыгнул ее семнадцатилетний сын, молоджавость, позволяющая назвать ее девушкой, сразу превратила пионервожатую в женщину, пусть даже очень молодую, но все же женщину.

– Здравствуйте, вы уже приехали?! – послышался звонкий голос со второго этажа, и Ольга Васильевна увидела перевесившегося через перила балкона, махавшего ей Родиона. – Хотите, я вам помогу с вещами?

Юноша не дождался ответа и уже через пару минут был у грузовика, на ходу натягивая ярко-синюю футболку.

– Знакомься, это Сергей, мой сын. Вы с ним почти ровесники, думаю, подружитесь, – проговорила дама своему вчерашнему знакомому, показывая рукой на высокого блондина с густым чубом.

– Я Родион, – произнес юноша, протягивая руку для рукопожатия.

Сергей не подал Родиону руки, а лишь смерил его презрительным взглядом и спросил вместо приветствия:

– Ты Маркса читал?

Маркса, конечно, Родион не читал. Однако, если бы рядом не стояла Ольга Васильевна, он бы нашел способ, как разобраться с новеньким зазнайкой. Но так как лезть в драку прямо на глазах учителя он не мог, то лишь растеряно отвел взгляд.

– Сережа шутит, он не хотел грубить, – рассмеялась Ольга и беззаботно прошествовала в дом со стопкой книг в руках.

Но она была не права – Сереже Родион сразу не понравился. Длинные волосы, клеши из джинсы явно выдавали в нем любителя модных заграничных вещей, трофейных фильмов и запрещенной музыки. Сережа таких чуял за версту и был убежден, что именно из такой либеральной шпаны вырастают предатели Родины.

Пока Родион и Сергей пытливо мерили друг друга взглядом, в семье Суходольских все больше разгорался интерес к новоселам, и если Лев Борисович, позавтракав, следил исключительно за передвижениями молоденькой вожатой, то Нина Ивановна подсчитывала в уме, сколько может стоить шикарный югославский гарнитур для гостиной. Когда Сергей с Родионом понесли в подъезд белую с резным изголовьем кровать, она не выдержала и выпалила:

– Ах, Лев Борисович, вы мне десять лет обещаете белую спальню – и где она?

– Будет, дорогая, обязательно будет, вот достроим дачу, тогда и купим.

Нина Ивановна хоть и была невысокого роста и полновата, как обычно выглядят радушные хозяйка и милые жены, но на самом деле отличалась сварливым характером и крутым нравом. Своего Льва Борисовича держала в ежовых рукавицах, и уж совсем не выносила, если тот о ком-либо хорошо отзывался. Но сейчас она так сильно нервничала не столько от того, что муж не мог удовлетворить ее желания относительно белого спального гарнитура, сколько потому, что ей было нужно уличить момент, когда Лев Борисович отвернется, и успеть в этот краткий миг опустить в его чашку с чаем несколько розовых кристалликов, покоившихся сейчас на кончике ножа для масла, который лежал у ее чайной пары. Эту тайную процедуру Суходольская проводила уже не первый месяц, но так и не смогла к ней привыкнуть, и каждый раз, как только наступал этот момент, ее руки дрожали, глаза бегали, словно у кукушки из заводных часов, и вся она была так напряжена, что начинала икать от волнения.

А вот Ольга Васильевна, напротив, волновалась все меньше. Родион, помогая носить коробки, старался идти с ней рядом и метал свой взгляд то в одного, то в другого жильца учительского дома, понизив голос почти до шепота, произносил: физрук – может сказать лишнего, но безобидный, учительница биологии – старая закалка, тяжелая рука, трудовик – клише, любит горячительные напитки... Ольге эта своеобразная церемония знакомства почему-то напоминала детскую игру, и она хихикала как девочка, а потом прикрывала рот рукой и старалась сделать серьезное выражение лица.

Когда Родик заносил последний чемодан, а из двери напротив выглянула симпатичная брюнетка с длинными волосами, заплетенными в косу, юноша, уже не понижая голоса, объявил: – Литричка Солнышко, два года как переехала. Солнышко зарделась и тут же юркнула обратно в свою квартиру. А Родион продолжил: – Она была на практике, а потом осталась работать, учителя ее еще всерьез не воспринимают, а что с нее взять – двадцать четыре года, но долго она здесь не задержится.

– А ты, Родион, уверен, что тебе шестнадцать, рассуждаешь как взрослый, – объявила Ольга Васильевна.

– Какая разница, сколько раз я задувал свечи на торте? Разве так измеряют возраст? Важнее, сколько ты всего повидал на своем пути. Уж в чем-чем, а в учителях я разбираюсь, я же вырос в учительском доме.

– Ой, – вдруг спохватилась Ольга Васильевна, – мы же забыли в машине Нику, можешь ее забрать, а я пока разыщу чайник, будем отмечать переезд чаем с кексами.

– Нику? Кошку, что ли? – обрадовавшись переспросил юноша.

Ольга Васильевна в ответ рассмеялась и отрицательно покачала головой.

Родион прошел к машине и заглянул в кузов, где водитель поправлял крепления тента, собираясь отправиться восвояси, но, не обнаружив там никакой Ники, прошел к кабине и открыл дверцу. В эту самую секунду на него уставились два огромных синих глаза, напоминающие распутившиеся цветки незабудки.

– Чего тебе? – недружелюбно буркнула светловолосая девочка, резко натянув на коленки подол шифонового платья.

Но как она ни старалась сделать это быстро, юноша успел заметить странные полосы на ее загорелых худых ногах, похожие на порезы, которые она пыталась спрятать. Один из

них была настолько свежий, что две крошечные капельки крови тут же пропитали голубую полупрозрачную ткань.

– Ольга Васильевна зовет пить чай, хочет отпраздновать ваш переезд, – начал Родион, еще раз взглянув на два красных пятнышка, которые притягивали его внимание словно магнитом.

– Что тут праздновать – переезд в это убожество? – состроив презрительную гримасу процедила девочка, прикрыв просочившиеся капли крови рукой и отложила в сторону брелок от ключей в виде остро заточенного ножа авиатора.

Родион, услышав ее слова, вытаращил глаза и от негодования был готов потрясти ее за плечи как следует, чтобы вытряхнуть из головы пренебрежительные мысли:

– Ничего это не убожество, любое место, где живет человек, достойно уважения.

– Уважения? Да ты посмотри на этот дом! Побелка облупилась, двери не красили уже лет сто, а портик так перекосялся, что не сегодня завтра обвалится.

Родион перевел глаза на свой дом, понимая, что эта несносная девчонка все точно подметила. Он, конечно, не сразу догадался, что такое портик, но покосившейся навес над входом говорил сам за себя. Осознание того, что она права, почему-то страшно разозлило юношу, и он громко хлопнул дверцей машины со словами: «Ну и отправляйся обратно туда, откуда приехала», а потом широким шагом направился в подъезд, размышляя, как у такой приятной дамочки как Ольга Васильевна могли родиться такие противные дети, и уже повернулся к лестнице, чтобы подняться в свою квартиру на втором этаже, как оказался лицом к лицу с Никой.

– Что, уже решил ретироваться, отпала охота праздновать наше триумфальное появление в вашем доме?

Родион стушевался, но буквально на несколько секунд, а потом небрежно хмыкнул и, медленно ступая на первую ступеньку, бросил:

– С чего ты взяла, у вас просто нет заварки, я сгоняю к себе за индийским чаем и мигом вернусь.

Ольге Васильевне найти чайник в грудe коробок не удалось. Она наспех угостила ребят творожными кексами, купленными накануне в кулинарии, попросила Родиона помочь Сергею установить кровать для Ники, переделалась и вышла из квартиры.

Ника, недолго думая, тут же отвоевала у старшего брата спальню попросторнее и, забравшись на подоконник, командовала парнями, куда и что поставить. Родион, наблюдая, как бесстрастно Сергей реагировал на колкости сестры, сам постепенно успокоился и, присев на пол, прикручивая ножки к прикроватной тумбочке, стал слушать ее оживленную болтовню, напоминающую щебетание заморской птички.

Он периодически отрывался от работы переводил на Нику взгляд, рассматривая ярко-красный лак ногтей, украшавший изящную стопу ее загорелых ног, которыми она постукивала по чугунной батарее. Время от времени улыбался, разглядывая ее острые коленки, туго обтянутые тонким, почти прозрачным платьем. Его забавляли и кудряшки Никиных белокурых длинных волос, которые закручивались в такие спиральки, что так и хотелось просунуть в них палец. У Родиона появилось непреодолимое желание заговорить с этой зазнайкой, он глянул на дверь, чтобы убедиться, что ее брат не станет свидетелем их разговора, но Ника его опередила:

– А ты не жди Сережку, я была уверена, что как только мама за порог, он сразу сбежит.

– Сбежит?

– Да, поедет в наш военный городок, ну в наш старый дом, у него там любовь...

– Видимо, он романтик.

– Все так говорят, – скривив рот в саркастической улыбке, начала рассуждать Ника, – но это не романтика, ему просто скучно. Еще бы, целыми днями решать свои уравнения, это же невыносимо. Скажу тебе по секрету, он считает себя умнее других, при этом, бьюсь об заклад, не сможет назвать имена братьев Карамазовых. Вот такой вот нонсенс.

Пока Родик в уме перечислял «Дмитрий, Иван, ...», боясь, что Ника поставит его в тупик каким-нибудь вопросом, она заметила большой пакет среди груды коробок и чемоданов и просияла, словно увидела старого знакомого. Потом извлекла из пакета скрученный в длинную трубу плакат и тут же начала кнопками прикреплять это глянцевое фото к стене напротив кровати:

– Здесь у меня будет стоять письменный стол, так что этот плакат хорошо будет смотреться, правда?

Юноша, склонив голову набок, старался рассмотреть изображенную на глянцевой бумаге девушку с большими, густо накрашенными глазами, в мини-юбке и с коротко остриженными светлыми волосами.

– А кто это? – наконец безразлично спросил он и снова вернулся к работе, старательно прикручивая ручку выдвижного ящика тумбочки.

– О, да я вижу здесь непроглядную серость! – воскликнула в ответ Ника и начала объяснять: – На этом постере ты можешь лицезреть английскую модель Лесли Лоусон, известную под псевдонимом Твигги. Сейчас девочки всего мира хотят быть на нее похожими, ну кроме этого убого местечка, конечно, здесь о ней вряд ли кто-то слышал.

Эти слова, сказанные полушутя высокомерной девчонкой, задели Родиона, ему хотелось поскорее уйти. Он старался максимально быстро покончить с тумбочкой и, сославшись на то, что ему нужно идти на репетицию ВИА, хотел красиво удалиться.

Но Ника словно его и не слушала, она задумалась, снова забралась на подоконник, отвернулась и начала выдувать ртом теплый воздух на оконное стекло и в образовавшейся испарине рисовала тонким пальчиком диковинные завитки, а потом вдруг спросила:

– А что такое ВИА?

– О, да я вижу здесь непроглядную серость! – передразнил ее Родион, стараясь подражать ее голосу. – ВИА – это вокально-инструментальный ансамбль, и я играю в нем на бас-гитаре.

Родион начал складывать выданные Ольгой Васильевной инструменты, но решил задать еще хоть один вопрос, прежде чем проститься:

– А как звучит твое полное имя?

– Вероника, – не отрываясь от написания заглавной буквы своего имени на стекле, проронила девочка.

– Хм, почему же тогда ты не Вера, а Ника?

– Да потому что Вера – это для деревенщин, а я – звезда!

Родион даже закашлялся от такой нескромности. Поведение этой взбалмошной девчонки его удивило и страшно разозлило. Он поднялся на ноги, бросил на подоконник оставшиеся в руке гвозди и, набрав полную грудь воздуха, выпалил:

– А по-моему, ты просто... – Родион старался подобрать слова, сверкая своими темными глазами.

– Ну что ты замолчал, договаривай, а то еще задохнешься от злости, кто я, кто?

– Зазнавшаяся дура!

Он выдернул из рук Ники карандаш и одним росчерком подрисовал девушке, изображенной на плакате, усы и уже уходя добавил: – и Твигги твоя такая же, как ты.

В то время когда Родион, громко хлопнув дверью, выбежал на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и остудить пылающее от гнева лицо, Ольга Васильевна подошла ко входу трехэтажного здания и внимательно прочла синюю табличку, на которой белыми буквами было написано: «Государственное образовательное учреждение Школа-интернат для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Она замерла у входа и оглянулась, во дворе не было ни души. Все дети еще отдыхали в пионерском лагере, а сотрудники проводили свое последнее воскресенье лета. Двор выглядел просторным и ухоженным. Белели бордюры, покрытые свежей известью, идеально подстриженные кустарники формировали ровные ряды

зеленых лабиринтов, в клумбах пестрели яркие астры и георгины, шумели слегка пожелтевшими листьями величественные клены. Сложно было поверить, что пройдет шесть дней, и гам детских голосов заполнит это пространство, превращая его в живой и сложный организм.

Ольга Васильевна взглянула на наручные золотые часы «Чайка» и, тяжело вздохнув, потеряла их пальцами. Это были не просто часы, а часы-талисман, которые подарил ей муж, и она надевала их только по самым значимым событиям своей жизни. Сегодня был именно такой день. Подавив в себе волнение, Ольга потянула ручку тяжелой деревянной двери и оказалась в прохладном просторном холле. В нос ударил запах мастики, которой был натерт до блеска паркет. Не успела дама опомниться, как ей преградил дорогу появившийся словно из-под земли человек. Невысокий, с редкой бородашкой, в синем форменном пиджаке и с колючим, пронизывающим насквозь взглядом.

– Вам кого, гражданка?

Ольга Васильевна на секунду стушевалась, но потом, снова потрогав часы, будто набралась смелости, расправила плечи и уже уверенно произнесла:

– Меня ожидает директор.

Мужчина тут же изменился в лице и, указав Ольге рукой в сторону длинного коридора, последовал за ней на расстоянии пары шагов. Он плелся и оказывал даме молчаливые знаки внимания, радуясь, что хоть и идет позади, но все же руководит ее движением туда, где в заставленном шкафами с документами кабинете сидит уважаемая им директриса. И в свой выходной день старается сделать так, чтобы всем было хорошо: и детям сироткам, и им, хоть и взрослым, но все же зависимым от ее расположения людям.

Пустое здание школы молчало. Ольга Васильевна, наряженная в белую блузку и юбку-карандаш, с короткой, но очень модной стрижкой блондинистых волос выглядела словно школьница, озирающаяся на портреты знакомых с детства классиков русской литературы. Потом она перевела ностальгический взгляд на стенд с расписанием уроков, а когда, пройдя еще немного, прочитала на двери слово «Учительская», вздрогнула, вспоминая свои школьные годы.

– Следующая дверь, та, что открыта, и будет директорская, – вернул даму в реальный мир голос сторожа, и он растворился в темноте коридоров так же неожиданно, как и появился.

– К вам можно? – постучавшись в распахнутую дверь спросила Ольга Васильевна и ступила на границу просторного кабинета.

Часть при входе была отделена высокими стеллажами. Там располагались столы секретаря и машинистки, но они были пусты, а вот в дальнем углу, у большого стола для переговоров, стояла крупная строгая женщина с плотно залакированной укладкой густых волос.

– А, Ольга, здравствуйте. Вы пунктуальны, это похвально, – отрывая взгляд от стопки бумаг произнесла брюнетка с небольшими, пытливыми глазами. – Присаживайтесь, я как раз сделаю себе перерыв, пока мы все обсудим.

Ольга знала сидящую перед ней даму уже лет пять. Они познакомились во дворце офицеров на праздновании Нового года, где Ольга Васильевна устроилась на должность художественного руководителя сразу по приезде на место службы ее мужа. Только в то время Ольга была женой полковника и жила в шикарной ведомственной квартире военного городка, сейчас же ее жизнь кардинально изменилась.

– Ну как, Оленька, вы уже устроились?

– Да, сегодня утром перевезли вещи, – ответила Ольга и зачем-то снова встала. – Ирина Ивановна, я должна вас поблагодарить, квартира замечательная, дети довольны.

– Ну что вы, милая, садитесь, садитесь. Ника будет учиться в нашей школе?

– Да, она так рада, что школа будет прямо в одном дворе с ее домом, – слушала Ольга Васильевна, вспоминая истерику дочери по поводу перехода в новую школу.

– А Сережа, он, кажется, пойдет в десятый?

– Да, у Сергея выпускной класс, и учится он в первой математической, решили, что ему лучше уже закончить обучение в привычной обстановке.

– Ну хорошо, хорошо, – задумчиво произнесла Ирина Ивановна, потом открыла дверцу шкафа и извлекла из его недр два больших апельсина: – Вот, возьмите деткам.

– Нет, что вы, не нужно, – запротестовала Ольга, и на ее лице заиграл румянец.

– Берите, я знаю, как вам теперь сложно привыкать к жизни без главы семьи, без мужской поддержки. Надеюсь, у вас остались хоть какие-то сбережения?

Ольга Васильевна промолчала.

– Вот бумага, пишите заявление о приеме на работу. Завтра завуч покажет вам кабинет и объяснит обязанности, а сейчас лучше идите домой, устраивайтесь, потому что когда интернатские дети вернутся из лагеря, времени на домашние дела у вас уже не останется.

– Да, да, – заторопилась Ольга, дописывая заявление. Через несколько минут она стремительно поднялась и поспешила на выход: – Еще раз, Ирина Ивановна, спасибо вам за все! Так с первого дня работы квартиру бы мне нигде не дали.

– Что вы, милочка, товарищи должны помогать друг другу, – четко произнесла директриса, и когда уже Ольга Васильевна повернула ручку двери и сделала шаг в коридор, она как бы невзначай добавила: – Я думаю, вы как ответственный гражданин тоже окажете мне одну услугу.

Будущая пионервожатая замерла: вот оно, то, о чем она сегодня думала полночи, вот тот решающий момент ее нового назначения, которого она так сильно боялась. С первых слов предложения со стороны Ирины Ивановны поучаствовать в ее судьбе, когда все от нее отвернулись, Ольга знала, что та что-то попросит взамен. Она понимала, что состоятельная дама, жена генерала, директор школы не потребует у нее за оказанную помощь брошку на платье или пару модельных туфель. Ольга была уверена, что это будет совершенно исключительная просьба. И хотя казалось, что она была готова к любому повороту событий, слова, произнесенные Ириной Ивановной, как только Ольга вернулась в кабинет и закрыла за собой дверь, все же ее шокировали.

– Всем нам судьба подарила уникальный шанс – мы причастны к становлению не только нового общества, но и нового человека. А то, каким вырастет этот новый гражданин, напрямую зависит от учителей. Я знаю о каждом шаге своих подчиненных на работе, но я хочу быть уверена, что за границами школы они такой же образец порядочности и добродетели. И раз теперь вы будете жить в учительском доме, то как никто другой сможете мне помочь в этом благородном деле!

Ольга Васильевна медлила. Она до боли вжала браслет часов в руку и не могла поверить, что ее так неожиданно поставили перед сложной дилеммой – согласиться на унижительное предложение быть доносчицей или гордо подняв голову отказаться и остаться на улице с детьми без работы и средств к существованию.

Ирина Ивановна, видя растерянность молоденькой неопытной женщины, тут же перешла в наступление. Она давно работала с людьми и знала, на что и когда нужно надавить, а иногда ради достижения желаемого запутать или дать ложные надежды. И вот сейчас решила заверить Ольгу, что в ее предложении нет ничего постыдного:

– А что вы, Оленька, так разволновались? Я же не вербую вас в шпионы, а просто предлагаю присмотреть за моими подчиненными, чтобы уберечь их от неверных поступков. Служивцы должны помогать друг другу. Будем с вами собираться за чашечкой чая, как в старые добрые времена, и стараться спасти тех, кто сбился с пути.

Ольга Васильевна заерзала на стуле, стараясь скрыть волнение, она тоже заулыбалась, но слова словно застряли в горле. Просто так сказать «я согласна» у нее не поворачивался язык, а молчать уже было неприлично. Но Ирина Ивановна не собиралась отступать:

– Вы уже с кем-нибудь познакомились?

– Да, с Родионом, – оглядываясь по сторонам, словно надеялась увидеть этого бойкого юношу прямо здесь, проговорила Ольга, думая, что не станет же директриса расспрашивать ее об этом совсем еще мальчике.

Ирина Ивановна засмеялась:

– Какое удивительное знакомство! Но это даже хорошо. Родик будет учиться с Никой в одном классе, и вы сразу сможете подружиться с его отцом, учителем физики Петром Григорьевичем Волковым. Ну что я вам рассказываю, вы лучше меня можете сходить с людьми, и вообще сейчас не думайте об этом, впереди столько важных дел. Удачи вам в вашей новой жизни, Ольга Васильевна!

Глава 2. Новенькая

Ольга Васильевна проснулась от очередного кошмара. Она резко открыла глаза и, тяжело дыша, уставилась в темное окно, которое сиротливо ожидало появления штор. Светало. Уже были хорошо видны серые силуэты деревьев, и по небу быстро бежали облака, словно учительский дом неся на огромной скорости во вселенной в надежде найти точку опоры. Во сне Ольгу настигло мучительное ощущение одиночества. Разве может быть одинок человек с двумя детьми и огромным коллективом в придачу, спросите вы. Но одиночество – это не всегда недостаток общения, поистине чудовищным и гнетущим это чувство становится, когда человек осознает, что находится один на один со своими проблемами. Сквозь полумрак Ольга оглядела обшарпанные стены нового жилища, на фоне которых ее шикарная мебель, фарфоровые сервизы и люстра с хрустальными подвесками казались немым укором прошлой беззаботной жизни. В памяти возникли слова директрисы: «Надеюсь, у вас есть сбережения?».

Сбережений у Ольги Васильевны не было. Но теперь у нее была работа и дом. И нужно было как-то постараться, чтобы удержаться на этом месте, не разочаровать директрису, даже если для этого придется доносить на своих соседей. Да, мерзко, да, унижительно до тошноты, но выбора у Ольги не было. Она бы и рада с гордостью заявить, что не готова выживать любой ценой, и мораль для нее не просто красивое слово. Однако Ольге Васильевне пришлось признать, что ради благополучия своей семьи она готова пойти на сделку с совестью и директрисой.

Чтобы отогнать от себя мрачные мысли, пионервожатая встала, впопыхах умылась и начала утюжить одежду для детей на торжественную линейку. Монотонные движения раскаленного металла по измятой ткани всегда действовали на нее успокаивающе, а сегодня и вовсе перенесли в беззаботное время десятилетней давности.

Тогда Сережа шел в первый класс. Накануне ее муж получил звание старшего лейтенанта, и друзья засиделись у них допоздна. Пили шампанское, ужасно кислое, зато в бокале так красиво переливались шесть долгожданных золотых звезд для погонов. Наутро они, конечно же, проспали. Будильник безутешно трещал, разбудить их смог только маленький, но уже тогда ответственный Сережа. Смеясь, Ольга бегала из комнаты в комнату, пытаясь собрать свои вещи и портфель первоклассника. Уже у входной двери Ольга заметила, что у мужа мятые рукава на рубашке, но так как времени не осталось, она нагрела тяжелый утюг, сбрызнула водой замявшуюся складку и, не снимая рубашки с мужа, прошла утюгом по рукаву. Ожог был настолько сильным, что лечить его пришлось несколько месяцев, но молодость прощала все. Солнце, светившее в окна их квартиры, казалось, не меркло даже в пасмурные дождливые дни. А сегодня Сережа шел в выпускной класс. Мужа больше нет. В семье уже полгода не было слышно смеха. Под глазами Ольги появились морщины, а в душе тоска.

– Время беспощадно, – прошептала Ольга, взглянув на себя в зеркало, и направилась будить детей.

Чтобы как следует подготовиться к торжественной линейке, на работу Ольга Васильевна пришла, когда в интернате дети только заканчивали свой завтрак.

Большие эмалированные кастрюли с красными надписями «Каша» и «Какао» уже опустели, но кое-где на тарелках еще виднелись продолговатые кусочки пористого хлеба и подтаявшие кубики сливочного масла. У стола с грязной посудой Ольга заметила Родиона, который брезгливо счищал в ведро остатки еды. На его предплечье виднелась повязка дежурного. Ольга Васильевна приветственно кивнула ему через большую стеклянную стену, отделявшую столовую от общего коридора. Родик помахал ей в ответ алюминиевой вилкой.

«Почему он завтракает не дома?» – размышляла Ольга, подходя к двери своего кабинета. «Может, его мама не любит готовить», – предположила пионервожатая, остановившись у зеркала, висевшего за книжным шкафом, заставленным стопками журналов «Костер» и аль-

бомами «Летописи дружины». Уверенным движением руки она повязала на шею пионерский галстук. Кусочек алого шелка был таким ярким и нарядным на фоне белоснежной рубашки, что лицо Ольги словно стало моложе.

Этот давно забытый ритуал придал ей сил и уверенности, но мысли упрямо возвращались к Родиону. Ольге Васильевне отчаянно захотелось пригласить его домой на завтрак. Она всегда готовила для детей что-нибудь вкусненькое

– блины со сгущенкой, сырники с вареньем, гренки – то, что никогда не подают в столовой интерната. Раньше Ольга не задумывалась о

таких мелочах. Она была уверена, что государство, партия заботятся о сиротах хорошо. Но мысль о том, что они не могли отведать простого домашнего завтрака, ужаснула вожатую. У Родиона родители были, но то, какое сиротливое одиночество читалось в его глазах, показалось Ольге едва ли не ужаснее.

Она с неподдельным энтузиазмом оглядела пыльный захламленный кабинет и произнесла вслух:

– Здесь все нужно переделать!

Потом с волнением поглядела на золотые наручные часы, переживая, как перед театральным дебютом, за свое первое мероприятие в роли старшей пионерской вожатой и поспешила на школьный двор.

***

В глубине души Ника считала себя писаной красавицей и мечтала, чтобы ее наконец оценили по достоинству. Всю жизнь оставаясь в тени идеального брата она надеялась, что в новой школе уже с первых минут даст понять одноклассникам, что тягаться с ней бесполезно. Поэтому, втайне от Ольги Васильевны, максимально укоротила форменное коричневое платье, на крылья белого передника пришила широкие полоски кружева, а ободок для волос украсила белыми цветками из свадебных бутоньерок, купленных в магазине для новобрачных.

Эти приготовления заставили ее понять, насколько сильно их статус изменился. Старым традициям не была места в их новой жизни. Не было ни летней поездки в Сочи, ни традиционного похода в магазин «Березка», где за чеки, заработанные в зарубежных полетах, папа всегда покупал Нике красивые вещи перед началом учебного года. Вместо этого мама скромно предложила ей белые гольфы и свои туфли на плоской подошве, до которых Ника по счастью доросла. Но Ника жаждала быть в центре внимания, а значит, ей необходимы были туфли на платформе, вот только где их было взять? К своим бывшим одноклассникам из военного городка Ника обратиться не могла, зато подружка Сережи с радостью обменяла свои импортные босоножки на платформе на фотоаппарат. Обмен, конечно, был неравноценным, но Ника была готова на все.

Появившись на школьной площади, где все уже построились для торжественной линейки, Ника отыскивала табличку «9 А», подошла к ребятам, слегка покачивая бедрами. Картина, представшая перед ее взором, поразила Нику до глубины души. В силу недостатка жизненного опыта она не могла предположить, что интернатские девочки будут одеты так одинаково. Коричневые форменные платья, украшенные скромными белыми воротничками, доходили до середины колена, на штапельных белых передниках не было ни намека на кружево. Одинаковые по фасону туфли различались только цветом, да что там говорить – у них даже букеты в руках состояли из похожих цветов – в основном это были красные и желтые георгины, как позже узнала Ника, привезенные учителями с собственных дач.

Единственное, чему Ника позавидовала, глядя на своих новых одноклассников, – комсомольские значки. Это была вещь, которую она не могла позволить себе ни за какие деньги. В прошлом году Ника влипла в историю, которая не дала ей шанса даже подать заявление на рассмотрение ее кандидатуры в ряды ВЛКСМ, и теперь эта история черным пятном лежала на Никиной самооценке и репутации. Чтобы никто не спросил, где ее значок, девочка предусмотрительно длинные светлые волосы собрала в хвост и перекинула их на одну сторону, прикрыв часть груди, где, по ее мнению, и должен был сверкать заветный отличительный знак.

Девочки приняли появление Ники прохладно, никто не стал с ней ни здороваться, ни знакомиться. Они оценивающе рассматривали ее наряд, многозначительно переглядывались, а потом кто-то в толпе брезгливо прошептал: «Приходящая».

Приходящими называли учеников, которые в школу-интернат приходили только учиться – они там не спали, не ели, не получали одежды и предметов личной гигиены, а следовательно, не были сиротами. Они просто посещали уроки, как в обычной школе. К их числу, как правило, относились дети работников интерната. Услышав это пренебрежительное слово, Ника сразу поняла – заслужить уважение одноклассников будет еще сложнее, чем она предполагала. Новенькая, не комсомолка, да еще и «приходящая» – столько ярлыков сразу! Ника даже прикусила губу от негодования.

Парни 9 «А» отреагировали на появление Ники с большим интересом, но не менее грубо. Стоя гурьбой, они обсуждали предстоящий матч по баскетболу с бэшками, и, заметив появление новенькой, парнишка с копной жестких рыжих волос присвистнул и манерно произнес:

– Господа, обратите внимание – свежее мясо!

Ребята разом обернулись и начали бурно обсуждать, какого рода «фифу» занесло в их захоlustье.

– Ох, какая штучка, – откликнулся главный заводила класса широкоплечий блондин Валера. Он понизил голос и что-то сказал, сально улыбаясь, и парни начали отвешивать разного рода шуточки.

Когда стоящий среди ребят Родион в новенькой узнал свою недавнюю знакомую, он чуть не поперхнулся от неожиданности, что Ника будет учиться с ним в одном классе. В этом бесстыдном мини, на высоких платформах и с убранными в хвост волосами она походила на модель Твигги, которой он неделю назад подрисовал усы на плакате. Слыша, как отзываются о Нике одноклассники, Родион и сам счел ее весьма привлекательной, он не мог не отметить, как изящно она выглядела в школьной форме, и не устоял, чтобы не прихвастнуть перед друзьями их знакомством:

– А я уже успел с ней провести пару часов, – проговорил он с вызовом и скривил рот в подобии улыбки, демонстративно кивнул Нике, на что она хмыкнула и отвернулась, вспомнив, как Родион называл ее зазнавшейся душой.

– Родя, судя по всему, ей эти пара часов не понравились, – вставил Валера, и парни начали громко хохотать, подталкивая Родиона в плечо.

Родик прищурил свои черные глаза и, встряхнув блестящими как смоль волосами, был готов поколотить эту несносную девчонку, так опозорившую его перед друзьями. Но тут послышалась команда пионервожатой, и все начали выстраиваться вдоль начерченных на асфальте белых линий, формировавших букву «П».

Затрубил горнист, забили барабаны, и каждый класс по очереди хором проговорил свой девиз. Ольга Васильевна подняла руку в пионерском салюте и обратилась к директрисе:

– Товарищ директор школы! Дружина имени пионера-героя Лени Голикова на торжественную линейку начала учебного года построена, разрешите знамя школы внести, линейку начать.

– Разрешаю знамя внести, линейку начать, – ответила Ирина Ивановна.

Вновь не очень слаженно забарабанили два мальчика лет десяти, и знаменная группа зашагала вдоль выстроенных в шеренги учеников школы. Лицо Ольги Васильевны омрачила недовольная гримаса, она была человеком педантичным во всем, и то, как неумело брякали палочками барабанщики, ее страшно раздражало, а когда не в ногу, сутулясь вышли ассистенты знаменосца – старшеклассницы с красными лентами через плечо, – пионервожатая и вовсе сникла.

«С этим что-то надо делать, – проскользнула в ее голове мысль, и, недовольная увиденным, она начала вспоминать, как на военных парадах, на огромном плацу чеканя каждый шаг, прижав руки к корпусу в команде «смирно» шествовали знаменосцы. – Я непременно доведу эту церемонию до совершенства! И барабанщиков у меня будет целый отряд – девочки в парадной форме с аксельбантами!» – мысленно дала себе обещание Ольга, прислушиваясь, как трогательно читают свои стихи первоклашки.

После линейки, все еще размышляя о будущих реформах в школьной пионерской организации, Ольга Васильевна зашла в учительскую, где ее новоиспеченные коллеги бурно обсуждали, как лучше отметить начало учебного года. Просторное помещение было залито солнечным светом. Нарядно одетые дамы и несколько мужчин уютно расположились за небольшими письменными столами из светлого дерева, которые стояли вдоль книжных шкафов, заполненных методической литературой. На диване между двух окон, обрамленных тяжелыми шторами горчичного цвета, восседали две пожилые дамы. Они переговаривались и бросали едкие комментарии, не отрываясь от подшивки учительской газеты.

Внимание учителей было приковано к мужчине в клетчатом пиджаке. По судейскому свистку, висящему у него на шее, Ольга Васильевна догадалась, что это физрук, а потом вспомнила, что встречалась с ним в учительском доме. Мужчина смеясь предлагал отмечать начало учебного года на природе, и многие его поддерживали, но как только в учительской появилась пионервожатая, все внимание досталось ей. Сама же Ольга Васильевна подумала почему-то о Нике: «Бедная моя девочка, ей сейчас не легче, чем мне, все тебя рассматривают, оценивают и даже обсуждают».

– Товарищи, минутку внимания. Это наша старшая пионерская вожатая Ольга Васильевна, прошу любить и жаловать! Она будет проводить все мероприятия, которые запланированы вне рамок учебной программы, – произнесла завуч, вставшая Ольге навстречу. – Кстати, Ольга Васильевна закончила институт культуры, и я уверена, теперь наша жизнь станет намного интересней.

– Неужели вы вытащите нас из тьмы бескультурья? – тут же поинтересовался физрук.

– Я думаю, это прежде всего нужно ученикам... – немного растеряно ответила Ольга Васильевна.

– А как же мы? Мы тоже хотим в музей вместо уроков, – не унимался физрук.

– Прекратите паясничать, Сильвестр Павлович, – попыталась приструнить его завуч, укоризненно покачав головой.

– Посещать музеи – еще не значит быть культурным человеком, – вмешался молодой мужчина в изящных очках в роговой оправе, – гораздо важнее принести культуру в каждый свой день и уметь пропускать искусство через себя.

– Я предпочитаю пропускать через себя мадеру, – снова послышался голос физрука, – но очень культурно, Ольга, простите, забыл, как вас величать, Васильевна, не беспокойтесь, очень культурно.

Ольга Васильевна растерялась. Почему-то почувствовала себя тринадцатилетней, когда она пришла в новый танцевальный коллектив. Ей неудержимо захотелось, как и тогда, расплакаться и выбежать в коридор, но в учительскую спасительно вошла Ирина Ивановна, и шутики поутихли. Директриса поздравила всех с началом учебного года, пожелала успешно провести урок Мира и памяти, которым традиционно открывали год, и когда Ольга Васильевна уже почувствовала себя в безопасности, директриса наклонилась к ней и чуть слышно произнесла:

– Линейка прошла хорошо, но я ожидала от вас большего.

Сказав это, Ирина Ивановна не стала дожидаться ответа. Она никогда не слушала оправданий. Ее волновали только действия, поэтому тут же оставила растерянную Ольгу Васильевну и направилась к завучу обсудить несостыковку в расписании уроков. А Ольга услышала позади себя приятный мужской баритон:

– Не принимайте близко к сердцу.

– Вы все слышали? – смутившись, спросила Ольга, взглянув на мужчину в роговых очках, за стеклами которых притаился участливый взгляд добрых серых глаз.

– Ирина Ивановна всегда желает чего-то лучшего. Это ее тактика, заставляющая нас совершенствовать мастерство, но, мне кажется, достигнуть вершины этого мастерства невозможно, – мужчина дотронулся до Ольгиной руки будто для рукопожатия и представился: – Тимофей Михайлович, учитель истории.

– Очень приятно, – Ольга Васильевна хотела поддержать начатый мужчиной разговор, но услышала свое имя, сказанное завучем, и поняла, что ей придется провести урок Мира вместо классного руководителя 10 «Б».

– Не дайте себя растерзать этим зубастым акулам, – доставая из шкафа стопку учебников, предостерег Ольгу историк, на что она лишь улыбнулась:

– Акулам?

– Да-да, не смейтесь. По отдельности они все отличные ребята, но, когда чувствуют себя единым коллективом, могут действовать по законам стаи.

Ольга не приняла слова историка всерьез, она была убеждена, что раз она каждый день справляется с двумя детьми, то и с двадцатью двумя сможет разобраться.

Раздался до невозможности резкий и бодрый звонок, и все степенные члены большого педагогического коллектива словно по команде направились к выходу. У двери Ольга замешкалась, попав в небольшое столпотворение, когда почувствовала, что в ее ладонь кто-то вложил холодный металлический предмет, напоминающий гвоздь. Она резко обернулась, но лица женщин и мужчин, спешащих в классы, были спокойны и безучастны к ее ищущему взгляду. Ольга Васильевна сжала неизвестный ей предмет, впопыхах вышла в коридор и машинально пошла по лестнице на третий этаж. Щеки ее пылали от волнения, она не понимала, что произошло и что ей нужно делать. Дождавшись, когда коридор и лестница совсем опустели, Ольга, сгорая от нетерпения, разжала кулак и увидела на своей вспотевшей ладони небольшой ключ.

– Ключ! От чего? – невольно прошептала дама. Она еще раз испуганно огляделась, вокруг не было ни души, лишь стены зловеще молчали. Ольга взволнованно прижала к груди счастливые часики.

– Урок! – спохватилась она, – опаздываю уже на три минуты! – негодовала пионервожатая, поглядывая на маленький циферблат. Она сунула непрошенный ключ в карман юбки и быстрым шагом направилась в класс.

Чтобы больше не думать о странном происшествии, Ольга Васильевна начала вспоминать своих учителей, которые часто казались ей неоправданно строгими, иногда даже злыми, ей не хотелось уподобляться им. Она придерживалась мнения, что доброе отношение, внимание и улыбка имеют необыкновенную силу. Ольге казалось, что если она покажет ребятам, что собирается относиться к ним по-человечески, то они ответят ей тем же. Но ее теория рассыпалась в прах в первые же несколько минут пребывания в 10 «Б».

Ольга Васильевна широко открыла дверь кабинета, где стоял гул, напоминающий жужжание огромного пчелиного улья. Гул этот прерывался взрывами смеха и звуками музыки, исходящими из переносного радиоприемника, водруженного на первой парте среднего ряда. Увидев вошедшую вожатую, ребята не спеша начали рассаживаться по своим местам, внимательно рассматривая молодую женщину, прикидывая в уме, как ее можно испытать на прочность. Ольга Васильевна молча ждала, когда все утихнет, и как только, на ее взгляд, можно было начать урок, она уверенно проговорила:

– Меня зовут Ольга Васильевна, я назначена в вашу школу старшей пионерской вожатой, и так как освобожденного комсорга у вас нет, то за работу комсомольской организации буду отвечать тоже я.

– А сколько вам лет? – послышался развязный голос развалившегося за последней партой долгового десятиклассника-акселерата с легким пушком темных усов над верхней губой.

– Это сейчас не имеет значения. Сегодня по всей стране проходят уроки Мира и памяти, чтобы... – начала Ольга Васильевна, но молодой человек не дал ей продолжить:

– А почему вы думаете, что вам виднее, что для меня сейчас имеет значение? Мне вообще плевать на мир и тем более на войну, я хочу знать ваш возраст.

И не успела Ольга опомниться, как в классе все зашумели, а потом в считанные секунды организовались и начали хором выкрикивать: «Воз-раст! воз-раст!» и четко отбивать рукой о парту слаженный ритм.

«Воз-раст! Воз-раст! Воз-раст!» Крики становились все громче и громче. Шум нарастал. И Ольга вспомнила предостережение историка не дать этим акулам ее разорвать. Она собрала всю свою волю, выпрямилась, как натянутая струна, стоя за столом, который, словно оборонительное сооружение, отделял ее от класса, сжала руки в кулаки и громко, чтобы ее могли слышать, но не переходя на крик произнесла:

Помните!
Через века, через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придет никогда, —
помните!

Молодые люди не ожидали такого поворота событий. Они, переглядываясь, один за другим начали опускать руки, прекращая стучать, голоса стали тише.

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно
достойны!
Люди!
Покуда сердца стучатся, —
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье, —
заклинаю вас, помните!

Эти строки из «Реквиема» Р. Рождественского как пощечина действовали на ребят. Они затихли, пристыженно опустили глаза, и никто больше не посмел мешать Ольге Васильевне рассказывать о подвигах советских солдат во время Второй мировой войны. И как пионервожатая ни пыталась исключить схожесть с учителями своего детства, сейчас чувствуя, как от волнения на ее лбу выступили крошечные капельки пота, осознала, что ее тактика – мило улыбаться и быть добренькой – слаба. Вначале нужно завоевать доверие и уважение этих испытывающих ее на прочность подростков.

А в 9 «А» урок Мира начался с запозданием. Его должен был проводить тот самый историк, который давал советы Ольге Васильевне, но он сидел за своим столом, делая вид что заполняет классный журнал, а сам из-под густых бровей наблюдал за повзрослевшими за лето учениками. Тимофей Михайлович был классным руководителем этих подростков уже пятый год, и каждый раз первого сентября удивлялся, как меняют их три месяца лета.

Он помнил их совсем детьми, знал, кто и при каких обстоятельствах потерял родителей, знал душевные качества, умственные способности и моральные принципы каждого. Но сейчас ему казалось, будто за парты рассаживались незнакомцы. Вчерашние нескладные смешные мальчишки начали превращаться в стройных пылких юношей, а живые непосредственные девочки – в задумчивых и манящих девушек. Им шел шестнадцатый год, и историк знал, что для этих ребят настало время дерзких поступков и принятых в горячке решений.

Когда в класс вошла Ника, историк не был удивлен, поскольку тоже жил в учительском доме, а там слухи распространялись быстрее воздушно-капельной инфекции. Он несколько раз видел эту девочку во дворе, а забежавшая накануне вечером за стаканом сахара химичка рассказала про пионервожатую и ее детей, а уходя, в свойственной ей неподобающей манере заговорщическим тоном добавила: «Кстати, у вас будут общие темы для разговора, ее дочка будет учиться в твоём классе».

Так как Тимофей Михайлович был одиноким мужчиной, ему любили приписывать несуществующие интрижки. Друзья неустанно знакомили его с разными женщинами, но время шло, а он все так же был одинок, как и много лет назад поселившись в этом доме.

Ника вошла в класс последней, она хотела сесть за вторую парту, но тут же послышался писклявый голос крупной брюнетки: «Здесь занято!», и девочка, пожав плечами, прошла дальше по ряду к следующему свободному месту. Ей преградил дорогу вездесущий Валера и, бросив на свободный стул свой портфель, развел в сторону руки, давая понять, что он сожалеет, но там тоже занято. Классный руководитель, огорченный таким недружелюбным поведением своих подопечных, уже был готов вмешаться, когда раздался голос самой яркой и эксцентричной девочки в классе – Лоры:

– Эй, новенькая, гребни сюда, у меня свободно.

Ника с облегчением выдохнула и направилась к особе, которая с первых секунд произвела на нее двоякое впечатление. Лора единственная предпочла школьной форме белую рубашку и юбку. Ее голова была выбрита наголо, в ушах сверкали крупные серьги, а миндалевидные глаза и черные брови идеальной формы были настолько шикарными, что Ника даже застыла на мгновение, разглядывая ее. Без зависти, но с интересом, как изучают редкий цветок или причудливый узор.

– Тебя как зовут?

– Ника, – доставая ручку и тетрадь, с любопытством рассматривая необычную прическу соседки по парте, проронила новенькая.

– Я Лора, – радостно представилась девушка, показывая на круглый самодельный значок со своим именем, висевший на груди. – У тебя что, мать училка?

– Она старшая пионервожатая, но, может быть, будет вести еще и этику.

– И жить вы будете в учительском доме?

– Да, – односложно ответила Ника.

– Надеюсь, не в квартире библиотекарши? – зрачки Лоры расширились, как будто она вспомнила что-то жуткое.

– Именно в ней, а что такого? – насторожилась Ника.

– Про эту квартиру разное говорят, – начала шептать Лора, но закончить фразу не успела, потому что ее окликнул учитель:

– Lora, magister dicit! («Учитель говорит!»)

– Он говорит с вами на латыни? – поинтересовалась Ника.

– Да, Тимыч увлекается античной историей.

– Тимыч?

Лора глазами показала на учителя истории и, наклонившись к уху новенькой, прошептала:

– Тимофей Михайлович, наш классный руководитель, пижон и слегка с приветом. Думаю, дома по ночам он обматывается в простыни как в тогу и мнит себя Александром Македонским.

Девочки прыснули со смеху, а историк снова укоризненно посмотрел в их сторону. Он начал урок Мира с разговоров о важности истории: – *Scientia vinces*, – заявил он, – наукой победишь. История – это не просто забавные факты из прошлого, а истинная царица наук, которая позволяет избежать многих ошибок, – объяснял Тимофей Михайлович.

Ника слушала преподавателя рассеянно, ее больше заинтересовал необычно яркий цвет его костюма, явно сшитого на заказ, и плавные движения ухоженных рук, которыми он указывал то на карты, то на гипсовые бюсты античных философов. Достаточно изучив учителя Ника еще раз оглядела соседку по парте и спросила:

– А зачем тебе шарф? На улице двадцать градусов.

– Для кайфа.

Новенькая удивленно подняла брови.

– Ты что, не знаешь, что такое собачий кайф? – поинтересовалась Лора.

Ника промолчала, она не хотела выглядеть в глазах одноклассницы непосвященной, но словосочетание «собачий кайф» произвело на нее жуткое впечатление.

Лора тем временем продолжала:

– Ты не дрейфь, если хочешь влиться в коллектив, тебе нужно усвоить всего несколько правил выживания:

Первое – никогда не называй при одноклассниках пионервожатую – мама.

Второе – ни при каких обстоятельствах не списывай на истории: один раз попадешься – Тимыч этого не забудет.

Третье – никогда не показывай, что чего-то боишься.

И четвертое, самое главное – не переходи дорогу Лоре!

Ника была не из тех, кто любил правила, особенно если их придумал не она сама, но к «заветам Лоры» отнеслась серьезно. Все-таки они сулили ей выживание в этом странном месте, где все было типичным и загадочным одновременно.

Пока Ника пыталась осознать, что сулили ей эта школа и эти правила, ее новоиспеченная соседка по парте неожиданно объявила:

– Мой парень тоже «приходящий» – она расплылась в улыбке, вальяжно откинулась на спинку стула и, метнув взгляд в сторону второй парты у окна, добавила:

– Вон тот черненький, Родя, он тоже живет в учительском доме. Видишь, все время общается, мы целое лето не виделись. Скажу тебе по секрету, с ним кайф куда круче, чем любой другой.

Посвятив новенькую в тайны своих любовных отношений, Лора, вырвала из тетради листок и начала писать Родиону записку, а Ника почувствовала, как от последних слов Лоры ее щеки запылали. Она, конечно, успела возненавидеть нахала Родиона, но то, что он с кем-то мог встречаться, да еще с такой незаурядной девчонкой как Лора, было, по ее мнению, просто возмутительно. Нике почему-то захотелось сказать что-нибудь неприятное довольно улыбающейся соседке, и она, ткнув под партой ее туфлю громоздкой платформой своих босоножек, язвительно спросила:

– А что же твой Родя сидит с другой девочкой?

– Так это наша отличница – Мухина. Родиона в прошлом году чуть не отчислили за неуспеваемость. Его отец не разговаривал с ним целый месяц, пока тот не исправил оценки, и в этом ему помогла Мухина. Все знают, что она по нему сохнет и готова мириться с любыми его выходками, только бы он сидел с ней за одной партой.

Но Лора ошибалась, Наташа Мухина была не просто умна, она еще была стратегом, и, каждый день приходя на пляж пионерского лагеря, она хоть и скучала по Родиону, но времени зря не теряла. Слушая шум прибоя, Наташа строила разного рода планы, как дискредитировать Лору в глазах Родика, а себя, наоборот, сделать незаменимой. У Мухиной было важное преимущество относительно других девочек их класса – отличные знания по всем предметам, и Родион этими знаниями умело пользовался без всякого зазрения совести. Но даже самая умная и прагматичная ученица не могла устоять перед разбушевавшимися гормонами – сначала она услышала во дворе, как Родик хвастался связью с новенькой, а после наблюдала, как предмет ее девичьих грез весь урок поворачивался на их с Лорой парту. Эмоции захлестнули Мухину, она, позабыв обо всех своих стратегиях, перешла в вероломное наступление и предъявила Родиону ультиматум. Или он публично объявляет, что они пара, или не видать ему помощи с уроками до самого последнего звонка.

Тем временем историк, для того чтобы урок Мира оставил след в умах учеников, закончив свою речь, дал им задание. Он хотел, чтобы за десять минут до конца урока ребята написали, какая форма правления и почему, по их мнению, наиболее подходящая для того, чтобы мирно сосуществовать с соседними государствами. И когда ученики принялись писать, сам

подошел к окну, облокотившись о подоконник, и погрузился в размышления о том, кого из учителей пригласить на свой день рождения, чтобы никого не обидеть.

Квартира у него была однокомнатная, и вместить в нее всех, кого стоило бы позвать, он не мог. Перебрав в голове несколько имен, Тимофей Михайлович обратил внимание на новенькую и подумал, что стоит пригласить ее мать. Эта Ольга Васильевна показалась ему трогательной, к тому же она закончила институт культуры. Историк уже начал представлять, как покажет ей альбомы с глянцевыми иллюстрациями, привезенные им из ленинградского Эрмитажа. И уже начал довольно потирать свои ухоженные руки с идеально подстриженными и даже подпиленными ногтями, как до его слуха долетели слова Наташи Мухиной, сказанные нервным шепотом:

– Нет, Родион, как в прошлом году не будет. Если ты хочешь, чтобы я проверила твою работу и дальше помогала с уроками, тебе придется выбрать: я, мерзкая Лора или новенькая!

Тимофея Михайловича насмешило это нападение на Родиона. Он поймал себя на мысли, что всякое яркое проявление человеческих чувств и характеров уже было сыграно в древне-греческом театре, спето Гомером или упомянуто в мифах. Ситуация показалась историку до боли знакомой: вот же они – Парис, три богини и яблоко раздора.

Учитель подошел поближе к парте Родиона, склонился, чтобы не мешать остальным, и, улыбаясь, произнес:

– Не нужно торопиться, Родион, с ответом, помни, что выбор Париса привел к Троянской войне.

На что Родион равнодушно пожал плечами, встал, сунул в руку учителя листок со своим ответом о форме правления и, ухмыльнувшись, бросил через плечо, вальяжно направляясь к выходу:

– Поздно, Тимофей Михайлович, жребий брошен!

Глава 3. Банный день

В конце первой трудовой недели Тимофей Михайлович праздновал свой день рождения. Составляя меню для званого ужина, он по какой-то странной причине долго размышлял над тем, что в школе не только дети, но и взрослые стали называть его Тимычем. Вначале ему казалось, что иметь прозвище – это ужасно, даже постыдно. Если его имя и следовало бы изменить, то на что-нибудь величественное – Август или Цезарь, к примеру. Он считал, что вполне заслужил это, так как посвящал работе всю свою жизнь. Ездил в областную библиотеку, чтобы ознакомиться с нужными книгами, выписывал научные журналы, оформлял выставки «Личность в истории» и разыгрывал с учениками батальные сцены разных эпох. Но, по-видимому, так и не стал для ребят великим – только более близким, чем другие учителя. Однако, успокаивал себя Тимыч, было бы гораздо обиднее, если бы прозвище его было пренебрежительным – «Очкарик» или «Четырехглазый». А вот его соседку химичку дети и вовсе прозвали Колбой – сущий ужас, будто она и не человек, а лишь грустное отражение собственной профессии.

Потом историк пустился в размышления, как Льву Борисовичу тяжело, должно быть, живется с этой Колбой, и вообще, женщины – это же целый фейерверк эмоций: слезы, сменяющиеся восторженным смехом, переходящим в томительную грусть. А их разбросанные бигуди и кружки, испачканные красной помадой, или, того хуже, критические дни или длинные волосы, прилипшие к эмали белой ванны. Тимофей даже поежился, представляя весь беспорядок, который, по его мнению, сопровождал представительниц противоположного пола.

Он влажной тряпкой протер два гипсовых бюста античных философов и, присев на стул, выдвинул верхний ящик письменного стола. Немного поразмыслив, извлек из него потертый розовый конверт, в каких обычно присылают свадебные приглашения. Прежде чем открыть, погладил его пальцем, тяжело вздохнул, а затем медленно потащил за край черно-белую фотографию. На ней были изображены двое – он и она, молодые, смеющиеся и счастливые. Тимофей перевернул фото лицом вниз и положил на стол, прикрыв ладонью, еще раз вздохнул, скользнул придирчивым взглядом по идеально убранной комнате, когда раздался звук телефонного звонка.

– Алло! – ответил учитель, машинально стирая несуществующую пыль с телефонного аппарата. В ответ послышался только шум, напоминающий шлепанье по лужам, и тогда он добавил погромче: – Слушаю! Говорите!

– Алло, Тимофей Витальевич!

– Михайлович, – поправил историк. – Говорите, что вы хотели.

– Извините, Тимофей Михайлович, запамятовал, – наконец проговорил скрипучий голос, – тут ваши девицы дерутся, не могу усмирить.

– Где тут? Какие девицы? – стараясь не терять самообладания, но все же громче обычного произнес Тимыч.

– Так понятно, где, в бане. Сегодня ж банный день.

Скрипучий голос хотел еще что-то разъяснить, но учитель не стал слушать. Он повесил трубку, накинул плащ и прямо в комнатных тапочках готов был бежать на хоздвор к прачечному корпусу, но уже в подъезде опомнился и вернулся в квартиру, чтобы переобуться.

Через десять минут с несвойственной ему проворностью Тимофей Михайлович преодолел шесть высоких каменных ступеней, но без предупреждения в девичьи бани все же врываться не стал. Остановился, перевел дух и постучал.

– Ой, Михалыч, вы быстро! – закричал сторож, распахнув перед учителем дверь. – Они там, у шкафчиков! Что творят, уму непостижимо! Я обход делал, слышу бранятся. Забегаю, а там одна другой серью вырвала, кровищи.

Тимофей Михайлович в несколько шагов преодолел коридор, но прежде чем войти в предбанник, осведомился у сторожа:

– Надеюсь, они в одежде?

– В одежде, милоч, одна так точно в одежде.

Манера сторожа общаться действовала историку на нервы. Ему всегда казалось, что этот бравый старикашка излишне любопытен, вечно сует свой нос куда его не просят. Тимычу хотел поговорить с девушками наедине, но потом, подумав, решил, что лучше иметь свидетелей. Его ученицы повзрослели, и находиться с ними в бане по меньшей мере было неприлично. Сделав шаг в предбанник, он в первую секунду ничего не смог разглядеть, потому что очки густо запотели, но по голосам сразу догадался, что одна из дерущихся была Лора.

– Немедленно прекратите! – скомандовал мужчина, приподняв одной рукой очки с переносицы, а второй хватая за руку Лору, которая сидела сверху Наташи Мухиной, распластавшейся на мокром полу. Девушки от неожиданного появления классного руководителя мигом прекратили драться, и Лора даже помогла Мухиной подняться.

– Да пошла ты, – отталкивая ее руку, процедила Наташа и, шлепая полными руками по скопившейся на неровном кафеле воде, неуклюже скрестила ноги, чтобы встать.

Лора была замотана в полосатое банное полотенце, по обнаженной шее, плечу и даже руке стекала кровь из разорванного уха. Наташа, прежде чем встать на ноги, запахнула мокрый разорванный халат из цветастого ситца и стала искать глазами недостающий шлепок.

– Что вы здесь устроили? Как это понимать? Вы уже давно должны были отправиться на самоподготовку, – гневно отчитывал девушек Тимыч, протягивая Лоре свой носовой платок. – Приложи к уху, и немедленно в медпункт. Деретесь, как заключенные в тюрьме. Мне стыдно за вас. Скажите на милость, что вы на этот раз не поделили?

Девушки молча приводили себя в порядок, не поднимая глаз на учителя. Лора старалась поскорее натянуть на себя халат и бежать в медпункт, но Тимыч стоял на своем:

– Почему я должен повторять вопрос? Из-за чего драка?

Наташа, громко сопя, поглядывала из-под густой челки на свою соперницу, но так как Лора не открыла даже рта, то она перевела взгляд на учителя и еле слышно пробубнила:

– Из-за Волкова.

– Вы дрались из-за Родиона?! Какой кошмар, это же вдвойне стыдно! Это парни дерутся за девчонок, а не наоборот. Помните, мы с вами учили рыцарские бои, на которых рыцари сражались за сердце своей прекрасной дамы, а что же вы так низко себя цените?

– Тимофей Михайлович, объясните Наташе, что Родик мой, и ей нечего лезть к нему, – наконец заговорила Лора, поднимая на учителя свои красивые миндалевидные глаза, полные гнева.

– Вам обеим нужно усвоить, что мужчины не ценят излишнего проявления чувств.

– Точно, Мухина, ты прилипла к Родiku как сопля, даже смотреть противно, – выпалила Лора, довольная, что Тимофей Михайлович принял ее сторону.

– Ты, Лора, тоже ведешь себя недостойно. Сквернословилась, дерешься, не думаю, что Родион мечтает о девушке с таким поведением.

Лора в ответ хмыкнула, схватила пакет с надписью Montana и направилась к выходу, сжимая в руке чужой браслет. А Тимофей Михайлович подождал, когда захлопнется за ней дверь, и решил продолжить разговор с Мухиной.

Девушка поверх мокрого халата натянула коричневую вязаную кофту, затем стала собирать свои банные принадлежности и ждала вопросов. Она была довольно умна и хорошо изучила манеру Тимыча их воспитывать. «Сейчас будет докапываться до сути. Ему важна не косвенная, а истинная причина драки», – размышляла Наташа, чувствуя на своем затылке тяжелый взгляд классного руководителя.

– Наталья, может, расскажешь, что на самом деле послужило причиной драки?

– Ничего особенного. Я сплела для Родика фенечку, а Лора у меня ее отобрала. Решила, что может мне запретить делать то, что я считаю нужным. А это нарушение моих свобод, не так ли?

Тимофей Михайлович тяжело вздохнул и ничего не ответил. Он открыл входную дверь и взглядом показал ученице на выход.

– Вы нас накажете? – решила поинтересоваться Мухина, чувствуя, что разговор не окончен.

– Нет, Наталья, вы и так уже наказаны.

– Что вы имеете в виду?

– Вы чувствуете, что потеряли внимание Родиона, – отсюда и гнев, от безысходности.

В то время, когда Тимыч выслушивал по телефону сторожа, в квартире Ольги Васильевны тоже раздался звонок, но не телефонный, а дверной. Это была та самая Нина Ивановна – Колба, как ее минуту назад назвал Тимыч. Она еле удерживала на одной руке свежее испеченный медовый торт, но предназначался он отнюдь не для пионервожатой.

– Оленька Васильевна, а я к вам, – сладким голосом пропела химичка, но, заметив, что открывшая дверь хозяйка квартиры хотела запротестовать, подумав, что соседка пришла с презентом, Нина Ивановна тут же принялась объяснять: – Это торт для Тимофея Михайловича, я хотела попросить у вас какое-нибудь симпатичное блюдо, чтобы празднично его преподнести. У вас найдется нечто подходящее?

– Конечно, конечно! – воскликнула Ольга, приглашая Нину Ивановну войти, с недоумением рассматривая ее яркий цветастый халат с запахом. По мнению вожатой, разгуливать по соседям в халате был чистой воды моветон, но у Нины Ивановны на этот счет были свои соображения: она считала, что красивая вещь никогда не может быть неуместной. Всякая маломальски нарядная безделушка ее радовала, а по-настоящему дорогие и дефицитные вещи были предметом ее тайных и не очень грез и желаний. Она стояла в очереди на всевозможные люстры, ткани и сапоги, водила дружбу со всеми продавщицами и кладовщиками и сводила с ума Льва Борисовича бесконечными разговорами о вещах, которые появлялись в домах у их друзей. Но когда эта дама узнала, что за глаза ее называют Колбой, то даже обрадовалась. «Наверное, я еще не такая и толстая, если ребята решила меня прозвать стройной стеклянной посудиною», – шутливо рассуждала она, поедая очередной жареный пирожок с картошкой, сидя со Львом Борисовичем на кухне, прикидывая в уме, где бы раздобыть домашний халатик понаряднее. Ведь школа для Нины Ивановны была местом, где главенствовали правила и дисциплина, там она всегда выглядела и вела себя очень сдержанно, а всю свою яркую натуру, тягу к экспериментам и любовь к мишуре она проявляла лишь за плотно закрытыми дверями учительского дома.

– Ах, Оленька Васильевна, сколько у вас красоты, – рассматривая дорогую мебель и импортный магнитофон, начала Нина Ивановна.

Она отдала торт хозяйке и, разувшись, медленно наслаждаясь мягкостью персидского ковра, прохаживалась вокруг овального обеденного стола, в центре которого возвышалась большая хрустальная ваза – ну точно такая, о какой мечтала химичка уже несколько лет. Ее не заинтересовали бронзовые часы в барочном стиле, стоящие на консоли, и шахматный стол с искусно вырезанными фигурами из слоновой кости. А вот полированный мебельный гарнитур вывел из состояния равновесия. Он весь сверкал зеркальными вставками, в которых отражались фарфоровые сервизы, и яркие блики от зажженной люстры, увешанной сотнями подвесок, переливались и манили, приковывая взгляд. Сколько времени она стояла на очереди за такой люстрой, Нина Ивановна уже и не помнила.

– Да, эта квартира точно не видела подобных вещей, – проводя рукой по золоченым деталям торшера, задумчиво произнесла химичка.

Сказав это, она тяжело вздохнула, а потом вдруг заволновалась. Лицо ее вспыхнуло ярким румянцем, и она медленно начала поворачивать голову к дивану, над которым зияла дыра в обоях, сорванных неровными кусками. Гостя, словно боясь увидеть привидение, резко отвернулась и попятилась в сторону кухни, рассеянно слушая оправдания Ольги Васильевны насчет ремонта, который она еще не успела сделать из-за недостатка времени:

– Знаете, мы же расставили мебель впопыхах, даже ничего не покрасив, а здесь нужно и потолок белить, и обои клеить.

– Да-да, – лепетала химичка, изменившись в настроении.

Она еще раз с опаской скользнула взглядом по стене над диваном, с ужасом вспоминая последний свой визит в эту квартиру, но потом прикрыла рот рукой, чтобы не сказать вслух слова, которые вертелись у нее на языке: проклятая квартира, проклятая квартира, проклятая... Нина Ивановна мысленно отругала себя, что отвлеклась от дела, и заговорила о том, что сейчас было действительно важно.

– А что вы собираетесь подарить Тимофею Михайловичу?

– Подарить? – удивленно поднимая светлые, слегка подкрашенные брови переспросила Ольга Васильевна, доставая из подвешного шкафчика хрустальное блюдо на изысканной ножке.

Нина Ивановна не поняла удивления Ольги и сразу предложила сказать имениннику, что этот торт от них обеих, на что Ольга Васильевна засмеялась и, водрузив медовик на блюдо, произнесла:

– Так Тимофей Михайлович меня не пригласил на свой день рождения.

– Удивительно! – обескураженно воскликнула химичка. – Давайте мы сейчас это исправим. Где у вас телефон?

– Что вы, Нина Ивановна, в какое же положение вы поставите меня этим звонком!

– Да, вы правы, не стоит навязываться. Тимыч и без того вами заинтересуется. А то, что он вас не пригласил, – это хороший знак, значит, смущается.

Ольге не хотелось обсуждать с малознакомой дамой такие личные темы. Тимофей Михайлович был ей симпатичен, и это неприглашение было неприятным фактом, о котором хотелось поскорее забыть. С другой стороны, Ольга Васильевна радовалась – раз ее не пригласили, значит, и рассказывать директрисе ничего не придется, а этого Ольга боялась больше всего. Думая об этом, вожатая поставила турку с кофе на плиту и вернулась к разговору о предыдущих жильцах квартиры:

– По-моему, в этой квартире жила библиотекарь, а почему она съехала?

Нина Ивановна заерзала на стуле, а потом, будто не слыша вопроса, вскочила и начала кудахтать, напоминая курицу, снесшую яйцо:

– Ой, Оленька Васильевна, что же мы с вами засиделись, у меня там термобигуди уже сварились, я побегу.

Глава 4. Кабинет № 26

Когда стрелки больших старомодных часов в квартире Тимофея Михайловича приближались к 17:00, гости стали рассаживаться за нарядно накрытым им стол, совсем не вязавшимся с общепринятым холостяцким образом жизни одинокого мужчины. Ольга Васильевна в это время разыскивала свою сумочку на полке в прихожей. Она и без того была в плохом настроении, и темнота в этой части квартиры ее раздражала как никогда. Люстра здесь не просто отсутствовала, но даже провода были обрезаны под самый корень. Зато предыдущие жильцы оставили полированную вешалку с крючками для верхней одежды, над которыми тянулась узенькая полка для шапок.

– Срочно нужно купить светильник, – еле дотягиваясь до полки и шаря по ней рукой, шептала раздосадованная пионервожатая.

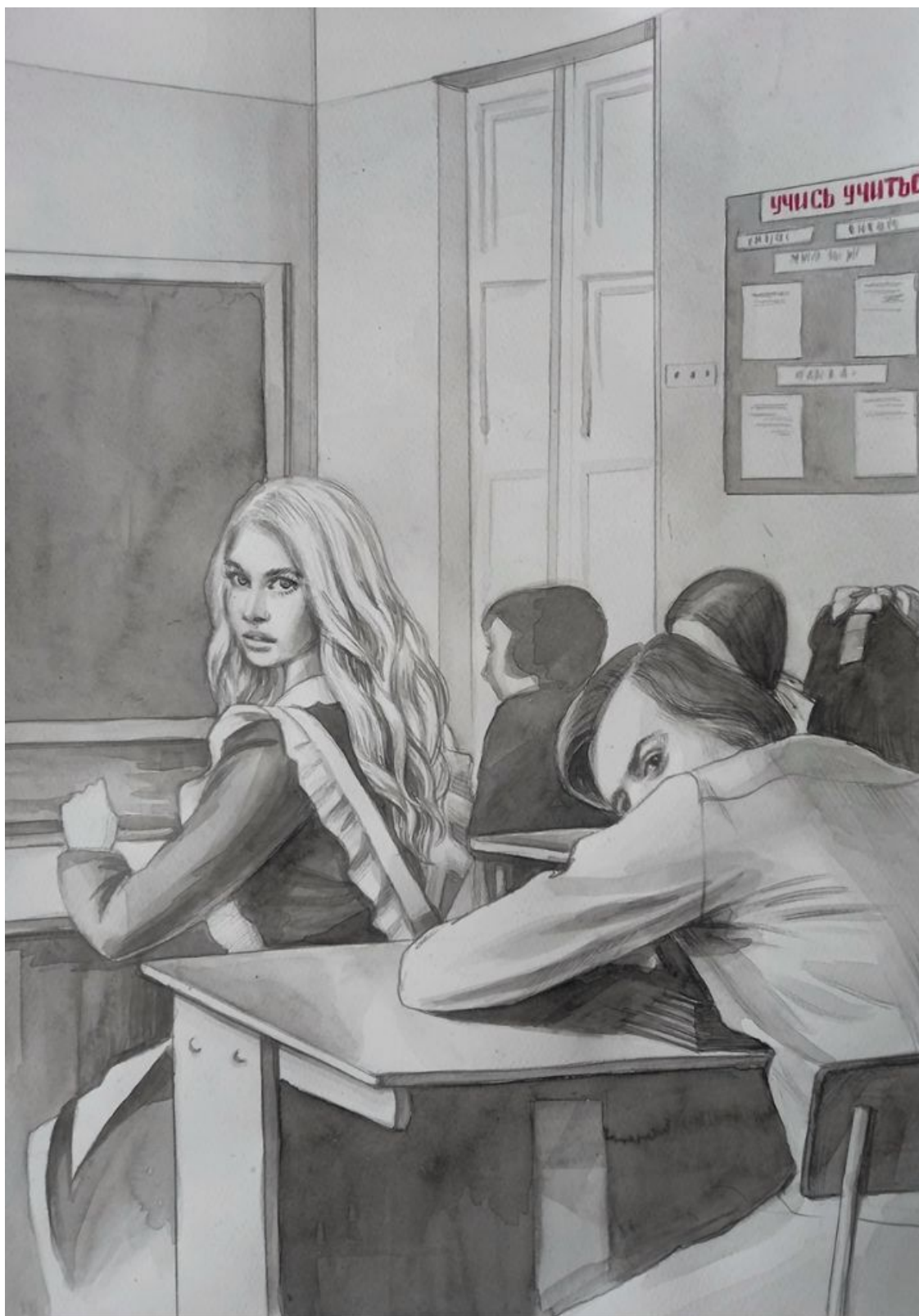
Она водила кистью из стороны в сторону, как вдруг вскрикнула от боли. Что-то тонкое, но острое оцарапало ей палец. Ольге пришлось встать на табуретку, чтобы извлечь опасный предмет. Им оказалась затейливая деревянная шкатулка. И эта шкатулка была заперта. Ольга потрясла ее, поднесла к уху, и снова сунула на место, решив, что этот тайник принадлежит одному из ее детей. Она еще раз потерла царапину на руке, когда наконец заметила свою сумку на комодике за вазой с яркими кленовыми листьями и облегченно выдохнула.

Ольга Васильевна торопилась в школьный корпус на репетицию праздника посвящения в интернатскую семью. Выйдя в подъезд, она перевела взгляд на дверь Тимофея Михайловича, за которой раздавались веселые голоса.

Желание находиться в другом месте вполне обычно для человека. Мы даже сами не замечаем, как часто оно нас преследует. На работе мы мечтаем оказаться дома, дома мы хотим оказаться в кино или ресторане, зимой на море, а душным летом на катке. Но худшее из подобных желаний – это желание оказаться в прошлом, куда больше нет возврата, куда, как ни старайся, не отвезет тебя никакой автобус и даже самолет. И Ольгу Васильевну одолевал именно такой вид тоски – больше всего она хотела сейчас оказаться не на дне рождения Тимыча, а в своей старой квартире, во времени, где еще жив ее муж. Но прошлое – как испорченная кинолента: яркие вспышки появляются на экране, но посмотреть весь фильм с начала уже нельзя.

***

Ника пребывала еще в том возрасте, когда все любопытно и хочется все попробовать и испытать. Большую часть ее поведения можно было охарактеризовать вопросом: «А что будет, если?..» Что будет, если она прогуляет школу, перекрасит волосы или не попадет в комсомол, Ника уже знала, а вот не знала она, каково это – отбить у кого-то парня, – но очень хотела это выяснить. К тому же ее буквально распирало от интереса увидеть подвал, в котором репетировал ВИА Родиона.

Еще при первой встрече Родик вызвал в ней вихрь противоречивых чувств – от испуга до восторга. Она искала его глазами в школьных коридорах, думала о нем перед сном, ненавидела, когда он говорил с другими, и замирала от восторга, когда ловила на себе его мимолетный взгляд. Сегодня ей захотелось проверить, что же произойдет, если они останутся наедине. К счастью, жила она на первом этаже, поэтому увидеть, что ребята, игравшие в группе, разошлись, а Родион все еще в подвале, Нике не составило никакого труда.

Когда она на цыпочках начала спускаться по ступенькам, музыки уже не было слышно, подвальная дверь была распахнута настежь, и девушка замерла у входа, не решаясь войти. Тусклый свет слабо освещал душное помещение. Справа виднелись серые маты, сложенные друг на друга, две штанги и несколько потертых невзрачных гирь, а напротив стояла старенькая барабанная установка золотистого цвета, несколько высоких колонок, на которых лежали гитары, и еще что-то чего девушка не успела разглядеть. В глубине зала послышалось шевеление, и Ника увидела Родиона, сматывающего черные электрические провода. Боясь быть замеченной, она попятилась назад и задела спиной навесной чугунный замок. Приглушенный звук привлек внимания юноши:

– Ника?! Как ты здесь очутилась?

Девушке захотелось убежать, она уже представила, как делает несколько быстрых шагов к двери, но ей стало стыдно за свою трусость. Тогда она нарочито медленно заложила руки за спину и, натянув на лицо высокомерную улыбку, горделиво прошествовала внутрь, будто оглядывая свои владения.

– Так вот, значит, где проходят репетиции твоего пресловутого ансамбля?

– Да, а что тебе не нравится? – с вызовом переспросил Родион. – О нашей «Канделе» уже ходят слухи по всему городу.

– Что ты сказал, «Кандела»? – переспросила Ника, пристально следя за реакцией Родиона. Он вспыхнул, явно смущенный, она была довольна.

– Ну да, так называется наша группа. Кандела – сила света, сечешь?

Несмотря на то, что юноша пытался говорить развязно, было заметно, как он нервничал. Ника с безразличным видом провела ладонью по одной из бронзовых тарелок ударника и сказала:

– Да уж, какое еще название мог придумать человек, у которого отец учитель физики.

– Это не я придумал, – соврал Родион, обескураженный собственным малодушием, и добавил, горделиво вскидывая чуб: – Когда мы станем знамениты на всю страну, ты еще пожалеешь, что смеялась.

– Ха, как же.

– Через месяц в интернате осенний бал, мы там собираемся исполнить несколько песен. Ты будешь танцевать в первом ряду, обещаю! Нам бы только клавишника хорошего найти, – заявил Родик.

– Ну, по этой части у нас Сережка, – ответила Ника, взяв в руки тонкие барабанные палочки, – вот только он ни за что не станет с вами играть.

Юноша перевел на Нику изумленный взгляд, а она вспомнила, как сегодня за завтраком Сережа называл Родиона шпаной и уговаривал маму запретить Нике с ним водиться. «Мам, он плохо учится и курит, не сегодня завтра свернет на скользкую дорожку», – возмущался Сергей. Ольга Васильевна не разделяла опасений Сережи и пристыдила его за осуждение товарища, которому нужно протянуть руку помощи, а не отстраняться. Сережа даже покраснел от злости, поэтому сейчас Ника слукавила:

– Сережа у нас играет только «Марсельезу».

– То есть он из этих, идейных? – пристально глядя на Нику, поинтересовался Родион.

– Скорее из идеальных. Он всегда и во всем номер один и до жути привык быть лучше других. Иногда так и хочется его стукнуть, – шутливо ответила Ника. В это мгновение в поле ее зрения попали боксерские перчатки, сиротливо примостившиеся у груды матов в углу, поэтому она добавила: – Вот чего мне не хватает в общении с братом.

– Хочешь побоксировать? – беря в руки перчатки, поинтересовался Родион.

– Конечно! – загораясь восторгом ответила Ника.

– Обычно девчонки просят меня сыграть что-нибудь лирическое на гитаре.

– А ты еще не понял? Я не все! – сверля Родиона взглядом, заявила Ника.

– Тебе нужно выпустить пар, вот что я понял.

– Лучше помоги мне зашнуровать перчатки, а то болтать все мастера.

Родион подошел к Нике почти вплотную, так что она ощутила еле уловимый аромат какой-то травы или жженой древесины, исходящий от его белой водолазки. Родя заботливо раскрыл перед Никой левую перчатку.

Он не раз шнуровал эти тяжелые кожаные перчатки, покрытые сеточкой тонких трещин, но такого наслаждения от этого действия не испытывал еще никогда. В нем словно зарождались совершенно новые эмоции. Дотрагиваясь до Никиных запястий, Родя чувствовал в душе нежность, мягкость, которой даже сам удивился. Его чувства к Нике были такими же двойными, как и ее. Он будто постоянно на нее злился, готовый схватить за плечи и потряхнуть хорошенько, но стоило взглянуть в ее большие восторженные глаза, как злость мигом улетучивалась, и он тут же был готов простить ей все.

Когда Ника уже была готова боксировать, Родион с увлечением начал объяснять, как следует поставить ноги и как наносить удары, показывал различные комбинации. Девушка с неожиданным для Родиона азартом старалась следовать его указаниям, она хлопала что было сил по боксерской груше и все время оборачивалась на стоящего рядом новоиспеченного учителя:

– Родя, ну что, правильно? У меня получается? Ах, как же здорово поколотить кого-нибудь!

Юноша тоже смеялся. Худенькие руки Ники в непомерно больших перчатках смотрелись потешно, но ее стремление как можно сильнее нанести удар вызвали уважение. В один момент Ника, со всей силы стукнув по груше, резко обернулась на него, чтобы задать вопрос, не осознавая, что тяжелый кожаный мешок сейчас же вернется в исходное положение, и не успела открыть рта, как ее повалил с ног сильный толчок в спину. Ника вскрикнула, пошатнулась, не удержалась на ногах и угодила прямо в объятия Родиона.

Раскрасневшиеся щеки, выбившиеся из общей массы светлые локоны, упавшие на лицо, учащенное дыхание и горящий блеск в глазах сделали ее восхитительной. Родион уловил запах ее волос, пропитанных томительным ароматом расцветающего жасмина, и на какое-то мгновение потерял контроль над своими эмоциями. Он прижал к себе ее хрупкое тело и стремительно поцеловал в губы.

– Ты что это делаешь? – оттолкнула его Ника, сердито сверкнув глазами, которые от негодования потемнели и сделались из голубых синими. – Так нельзя! Это нечестно! Ты же встречаешься с Лорой.

Родион сразу опустил руки и соорудил наигранно серьезную гримасу:

– Да, ты права, это мерзко. Я и сам не в восторге от своих поступков. Вот если бы ты взялась за мое воспитание и направила меня на верный путь, я бы сразу изменился.

Ника рассмеялась:

– Нет, Родион, не выйдет.

– Что не выйдет?

– Не выйдет провести меня, как маленькую дурочку. У меня есть старший брат, и он мне сто раз рассказывал про эту вашу излюбленную уловку. Ты же решил прикинуться плохим мальчиком, и чтобы я – эдакая пай-девочка – пыталась тебя перевоспитать, а сама потом угодила в твои сети.

– Да, похоже, я прокололся на этот раз, – смеясь признал Родион, расшнуровывая Нике перчатки.

– Прокололся, причем дважды, – свысока поглядывая на Родиона, надменно проговорила девушка.

– Почему дважды? – изумился Родя.

Ника поправила волосы и задорно произнесла:

– Просто я не пай-девочка!

Родион озадаченно посмотрел на нее, прокручивая в голове услышанное, а потом схватил за руку.

– Значит, не пай-девочка, говоришь? Сейчас мы это проверим, – он достал из кармана связку ключей и, заговорщически приблизившись к самому ее лицу, сощурил глаза. – Видела рядом с домами несколько гаражей? Так вот, это ключ от одного из них. Погнали кататься! Лев Борисович недавно получил в наследство от умершего родственника «Москвич-412», тачка улет.

– Ты что, собираешься угнать машину? – стараясь скрыть свой испуг, почти шепотом проговорила Ника, расширив глаза до предела.

– Почему угнать? – услышала Ника звонкий голос Родиона. – Просто возьмем покататься. Лев Борисович отправился к Тимычу на сабантуй, да и все остальные тоже, никто даже не заметит.

– А как ты заведешь ее?

– Ты что, забыла – у меня отец физик, я справлюсь с этим за пару минут.

В гараж молодые люди проникли без малейшего труда. Машина на удивление была не заперта, и когда они заняли передние сидения, и Родион с блестящими как в горячке глазами опустил руки на руль, Ника почему-то не могла выдавить из себя даже слова. Ее била мелкая дрожь, а в голове звучали слова Сергея, сказанные маме сегодня за завтраком, когда та стала защищать Родиона: «Ах, мама, неужели ты не видишь, что по этому вашему Родику колония плачет».

– Черт, бензин на нуле. Черт! Черт! Черт! – недовольно выкрикивал Родион, ударяя ладонями по рулю, но потом спохватился, быстро взял себя в руки и, повернувшись к Нике, начал ее уговаривать: – Ты не расстраивайся, в следующие выходные прокатимся. Лев Борисович отправится на дачу, а жена ему не разрешает туда ездить на машине, вот мы с тобой и попробуем, как ведет себя эта махина на дороге.

– Я не расстраиваюсь, я же не маленькая, – пытаюсь казаться спокойной, ответила Ника. – Лучше скажи, ты что, отцу так прямо и сказал: «Научи меня заводить чужую машину без ключа»?

Родик уже совсем расслабился, словно этот зеленый блестящий автомобиль был его собственностью, он вальяжно расположился в водительском кресле и начал объяснять:

– Ну нет, конечно, он бы меня убил за такое. Просто так, расспрашивал про всякое, слово за слово – и выведал все, что было нужно. Он вообще очень любит меня поучать, так я и пользуюсь моментом, стараюсь извлечь из этих разговоров пользу.

– Хорошо иметь такого отца, – с еле заметной ноткой грусти в голосе произнесла Ника, глядя в темное стекло автомобиля.

Родион криво усмехнулся, замолчал на несколько секунд, а потом заговорил с такой горестью в голосе, словно ему наконец позволили излить душу:

– Ничего в этом нет хорошего. Отцы бывают разные, если ты думаешь, что мы с батей друзья, то ошибаешься – он скорее мой надзиратель.

Родион все больше и больше распалялся. Лицо сделалось мертвецки бледным, даже губы утратили свою яркость. Он теребил волосы, раздувал ноздри, а потом изменился в лице, снова схватился за руль и продолжил резко и нервно:

– Ничего в этом нет хорошего, ты моего отца не знаешь. Лучше бы его вовсе не было у меня. Лучше бы он умер!

Ника вспыхнула, словно факел. События последнего года, втиснутые в пределы одной секунды, пронеслись в голове с быстротой молнии. Она повернулась к юноше всем телом и, вцепившись в его руку, словно дикий зверек, заговорила быстро и громко, иногда срываясь на крик:

– Не смей так говорить! Слышишь? Никогда не смей говорить такое! Ты не представляешь, как это страшно, когда твой отец в гробу, а ты даже взглянуть на него не можешь!

Потом она заморгала и отвернулась, чтобы Родион не успел заметить, как две крупные слезы навернулись на ресницы.

В кабине повисло неловкое молчание. По металлической крыше гаража забарабанил дождь. Родион понимал, что следует что-то сказать, – он потянулся к ее плечу, но в нерешительности опустил руку. Что сейчас было ей нужно? Утешение? Сочувствие? Не зная, что произошло с отцом Ники, юноша в замешательстве покусал губы, свел брови так сильно, что они превратились в сплошную линию, и с трудом выдавил из себя:

– Давно это случилось?

– Зимой, – ответила девушка совсем чужим голосом. – Он не вернулся с задания, их самолет разбился над Эфиопией. Знаешь, он обожал Крылова, вот так, бывало, гуляем с ним в парке, а он начнет читать:

Чижа захлопнула злодейка-западня:

Бедняжка в ней и рвался и метался,

А Голубь молодой над ним же издевался.

«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня

Попался!»

– «Попался», понимаешь, его голос так и звучит у меня в голове: «Чижа захлопнула злодейка-западня». Его привезли в цинковом гробу, и все – нет больше никаких басен.

– Прости, я не знал, представляю, как тебе было жутко.

Ника обхватила колени руками:

– Нет, Родя, мне не жутко, мне стыдно. Перед отъездом мы с ним поссорились, сильно поссорились, и он сказал, что ему жаль, что у него такая дочь.

– Почему, почему он так сказал?

– Меня не приняли в комсомол, почти всех в классе приняли, а меня нет. Я его разочаровала, опозорила перед сослуживцами.

– Как тебя могли не принять?

– Я же говорила тебе, что не пай-девочка. Вот тебя приняли, даже Лору, а меня нет. Выходит, я хуже всех. И папа, умирая, наверняка об этом думал.

– Перестань, Ника, не говори так, – пытаюсь обнять девушку за плечи начал Родион, – ты нормальная, ну уж точно не хуже меня.

– Я бы хотела заслужить его прощение.

Ника повернула лицо к сидящему рядом юноше и, безмерно нуждающаяся в чем-то участии, уткнулась ему в плечо головой. Она ни с кем не смела обсудить эту тему, даже с матерью никогда не заговаривала об этом. А что она могла сказать этой правильной, милой женщине? Разве могла Ольга Васильевна понять свою дерзкую дочь? Истрадавшаяся, раздавленная чувством вины, Ника уже была готова расплакаться, как до ее слуха долетел неожиданный вопрос:

– Ты поэтому режешь себе ноги?

Для честного ответа не было сил. «Как он понял?» – промелькнула мысль в ее голове. Девушка сглотнула ком, душивший горло, подняла на него бесстрастное лицо.

– Ты что, дурак? Стала бы я себе вредить. Просто поцарапалась веткой! Понятно?!

Родион будто и не слышал ее слов. У него перехватило дыхание от жалости к этому хрупкому созданию. Он схватил ее своими сильными руками и попытался прижать к себе, чувствуя, как неистово колотится ее сердце, как борется она с рвущимся наружу рыданием, но Ника оттолкнула его руки, выскочила из машины и бросилась бежать прочь.

***

Посвящение в интернатскую семью – именно это мероприятие готовила сегодня с первоклашками Ольга Васильевна. «Интернатская семья, – крутилось в голове у пионервожатой, –

а можно ли создать семью вот так в госучреждении?» Чтобы понять это, для начала необходимо было ответить себе на вопрос, что такое семья вообще. Да, сухое книжное определение о социальном институте, ячейке общества и так далее Ольга помнила, но что такое семья для человека на самом деле? Безопасность, поддержка, уют, дорога в жизнь – может ли все это дать детям школа-интернат? Но больше всего Ольгу волновало, какую роль в этом может сыграть она сама в должности пионерской вожатой. Собравшимся вокруг нее первоклашкам было всего по семь лет, и казалось, что сейчас им нужны были не лозунги и гимны, а мама. Простые слова: «молодец», «как здорово у тебя получается», «не бойся», «я рядом» были для ребят недоступной роскошью, которой щедро осыпала их Ольга Васильевна. Она усаживала их на колени, трепала по волосам и на прощанье каждому лично пожелала спокойной ночи.

Когда голоса первоклашек стихли и пионерская опустела, Ольга чувствовала себя опустошенной, устало села за письменный стол и положила голову на сложенные ладони. Она размышляла, что может еще сделать для ребят, но удачных идей не было, на душе было просто тоскливо и тревожно, как будто ее оставили одну дома и забыли забрать. На город опустились густые сумерки, где-то протяжно завывала собака, дверь со скрипом приоткрылась, внутри у Ольги все похолодело, она уже была готова увидеть призрака, когда в образовавшуюся щель просунулась белокурая голова мальчишки лет десяти, и он скороговоркой произнес:

– Ольга Васильевна, вас просили зайти в двадцать шестой кабинет.

– Кто просил? – удивилась вожатая, но голова уже исчезла.

Ольга Васильевна пожала плечами, внутренний голос говорил ей, что лучше пойти домой, но неведомая сила влекла ее в кабинет номер 26. Он находился на втором этаже отдельного крыла учебного корпуса. Так что добраться до этого кабинета можно было только преодолев бесконечные мрачные коридоры и переходы. Слишком просторные и слишком высокие стены школы напоминали средневековый замок. Ольга Васильевна не была любительницей готических романов, но чувство, что вот-вот где-то заскрежещет цепь и кто-то жалобно застонет, не покидало ее. Вокруг было темно, лишь вдалеке прерывисто мигал единственный светильник. Там виднелись двери классов обслуживающего труда для девочек, следом располагалась швейная мастерская, дверь в нее почему-то была распахнута, у Ольги душа ушла в пятки – четыре громоздкие швейные машинки в полумраке напоминали пыточные инструменты, а огромный стол для раскройки и вовсе походил на катафалк. Оставленный на нем пурпурный отрез ткани зашевелился от потока воздуха, заставляя Ольгу бежать по коридору, пока она не уперлась в дверь, на которой и висела табличка – «Кабинет № 26».

Ольга Васильевна постучала, но ответа не последовало, она легонько дотронулась до ручки, и дверь плавно подалась вперед, словно ее петли смазали незадолго до визита вожатой. Дама неуверенно прошла внутрь и негромко позвала:

– Есть кто-нибудь?

Вокруг была гробовая тишина, хотя люстры горели ярким светом, а у окна бесшумно работал большой черный вентилятор. Ольгу бросило в жар, ей стало жутко, словно она вошла в пасть огнедышащего дракона. Она с трепетом начала осматривать обстановку: верстаки, пилы, столы, останки сломанной скамейки у стены, когда услышала, как дверь позади нее закрылась, а звук поворачивающегося ключа в замке заставил ее в ужасе обернуться.

– Что здесь происходит? – воскликнула Ольга и стремительно бросилась к двери. Она несколько раз всем телом надавила на дверное полотно, но оно не поддавалось. – Что за шутки? Немедленно откройте! – громко прокричала Ольга Васильевна и даже несколько раз постучала кулаком.

Какое-то время она еще боролась. Дергала ручку, стучала, упиралась бедром в надежде, что ей все же удастся сдвинуть с места эту добротную дверь, но все ее усилия оказались тщетными. И когда сил уже совсем не осталось, Ольга, медленно передвигая ноги, подошла к ряду парт, стоящих у окна, и присела, уставшая от бесполезной борьбы. Еще раз огляделась. Прямо

на нее смотрела огромная классная доска, на которой аккуратным почерком белым мелом было что-то написано. Вначале Ольга Васильевна не проявила интереса к тексту, но посидев минут пять и окончательно убедившись, что ее заперли, начала всматриваться в написанное с явным волнением, бормоча себе под нос:

Чтобы решить проблему эту
У вас есть время до рассвета.
Иначе в жизнь вам нет билета.
Проклятья хуже арбалета,
Глядят насквозь стены глаза,
И не помогут небеса.
Искать ответа не старайтесь,
Вы не нужны здесь – убирайтесь!

Ольга Васильевна еще несколько раз пробежалась глазами по пугающему стиху, уверенная, что он предназначался ей. «Похоже, замкнули меня здесь дети, – произнесла она вслух, – неужели они снова испытывают меня? Странно. Может, они чувствуют себя запертыми в школе и решили, чтобы я на свое шкуре ощутила, как это сложно – не иметь свободы?»

Но, поразмыслив немного, Ольга поняла, что целью надписи было напугать ее до такой степени, чтобы она уехала. Только кому она мешает? На этот вопрос пока не было ответа.

Пионервожатая в очередной раз начала читать текст, разбирая его по строчкам, и ужаснулась первой фразе: «У вас есть время до рассвета».

– Кошмар, убраться из квартиры до рассвета! Тот, кто написал это, действительно думает, что мне есть куда идти! Но вот где я точно не собираюсь сидеть до рассвета, так в этом глупом кабинете.

Ольга рассвирепела, вскочила со своего места и направилась к двери:

– Может, такой замок можно открыть шпилькой. Посмотрим!

Порывшись в сумке, Ольга, в считанные секунды извлекла из нее пару шпилек и, став на колени перед дверью, начала орудовать ими в стареньком замке. Она усердно старалась нажать на невидимый глазу механизм или захватить пружинку. На лбу от напряжения выступили капельки пота, на пальцах появились царапины и мозоли. Так пыталась и даже чертыхалась, трудилась вожатая что было сил, и когда по прошествии получаса поняла, что от шпильки нет толку, она в отчаянии схватила свою сумку и высыпала на парту все ее содержимое.

– О, ключ! – вскрикнула женщина, изумленно выпучив глаза.

Это был тот самый ключ, который первого сентября ей кто-то тайно вложил в руку. Ольга несколько секунд стояла в оцепенении, не могла пошевелить даже пальцем. Ей показалось, что от волнения сжало горло и стало трудно дышать, и чтобы убедить себя, что все еще может говорить, она еле слышно прошептала:

– Неужели кто-то заранее знал, что меня закроют в этом классе?

В это мгновение Ольгу Васильевну охватил азарт вперемешку со страхом, она схватила ключ и снова ринулась к двери, задев и повалив на пол деревянные заготовки для разделочных досок, лежавшие на учительском столе. Ключ без малейшего затруднения вошел в замочную скважину, но не провернулся. Ольга пробовала снова и снова, безуспешно.

Спертый, пыльный воздух кабинета усугубил и без того неприятное состояние безысходности вожатой. Ольга Васильевна почувствовала себя восьмилетней девочкой, вспоминая, как играя на даче в игру «казаки-разбойники», она решила спрятаться в сбитый дедом ящик с углем, похожий на сундук с плоской крышкой. Она тогда распласталась на прохладных черных углях и потянула на себя крышку, которая громко хлопнула, звякнув тяжелыми петлями замка.

– Здорово я спряталась, здесь меня никогда не найдут, – шептала маленькая Оля, а потом представила, как разозлится бабушка, увидев измазанное углем платье.

Но долго переживать ей не пришлось. Недостаток кислорода и угольная пыль, забившиеся в нос, не давали вздохнуть полной грудью. Сознание начало мутиться, глаза слипаться, и непреодолимо захотелось спать. Ей стало казаться, что она лежит в гробу, как умершая в прошлом месяце соседка бабушка Валя, но все попытки поднять крышку были тщетными. И уже когда совсем обессиленная Оля после кратковременной потери сознания открыла глаза, поняла, что если сейчас не сделает что-нибудь, то точно задохнется. Она сжала пальцы в маленькие кулачки и, собрав последние силы, стала руками и ногами тарабанить по деревянной крышке, истошно крича.

Эти воспоминания заставили Ольгу Васильевну саккумулировать все свои возможности. Она бросилась к окну, надеясь кого-нибудь позвать. Распахнула тяжелые деревянные створки и уже была готова крикнуть: помогите! Но во дворе интерната стояла гнетущая безмолвная тишина. Зато сильный порыв ветра привел в движение полотно на боковой стене, на котором красным шрифтом были выведены правила техники безопасности, и Ольга за ним увидела еще одну дверь.

– Запасной выход! – воскликнула женщина, заметив небольшой навесной замок бронзового цвета.

Она схватила молоток, лежавший в ящике с инструментами, и, воодушевленная возможностью обрести свободу, двумя ударами сбила хлипкие петли.

Домой старшая пионервожатая шла еле передвигая ноги. Кожа на руках была стерта, блузка и юбка разорваны в нескольких местах. Уставшая и опустошенная, она задавалась вопросом, ради чего была затеяна вся эта акция. Ей не верилось, что ученики могли устроить нечто подобное, – ведь она даже не успела с ними толком познакомиться. Неужели жизнь без родительской любви могла так ожесточить их? Ольга не хотела борьбы, но и сдаваться было не в ее правилах. «Бояться проклятия – вздор, а идти на поводу у шантажистов и вовсе малодушие», – рассуждала она сама с собой.

Войдя во двор учительского дома, Ольга почувствовала облегчение, хотя это место еще не стало для нее настоящим домом, но то, что здесь жили взрослые, уже вселяло надежду. Ветер к этому моменту разыгрался нешуточный. Ветки акаций стучали по балконным решеткам, поскрипывала сорвавшаяся с верхней петли ветхая дверь подъезда. Осенние листья, собранные дворником в кучи, разметало по потрескавшемуся тротуару.

Вяло освещал двор единственный тусклый фонарь.

Ольга Васильевна поежилась от холода, когда на скамейке у подъезда увидела девушку, которая поднялась ей навстречу, кутаясь в широкий клетчатый шарф. Холодный ветер трепал складки ее платья и раздувал волосы, выбившиеся из-под тонкого красного берета. Это была учительница литературы, высокая, фигуристая особа с большими испуганными глазами. Жила она на первом этаже в квартире напротив, но с Ольгой Васильевной ни разу не заговаривала, даже наоборот, каждый раз при встрече таинственно исчезала за дверью. Пионервожатая не помнила ее имени, только удивлялась густоте ее шелковистых каштановых волос.

Когда девушка подошла вплотную, Ольга наконец смогла рассмотреть ее лицо: сияющая, будто фарфоровая кожа, густые черные ресницы, чуть вздернутый кукольный нос и излишне большие, немного навывкате глаза. Ее правая рука потянулась к разорванному рукаву блузки пионервожатой. Ольга Васильевна вздрогнула и отвела глаза в сторону. Девушка поспешно накинула на Ольгу свой шарф:

– Вы выбрались, как я рада, – проговорила молодая учительница, дрожа всем телом, – я так волновалась, что они навредят вам.

До этого мгновения Ольге Васильевне отчего-то было жаль пугливую девушку с большими глазами, но то, что она была как-то замешена в произошедшем, ее ужасно разозлило:

– Вы что же, все знали?

– Ну я предполагала, что они обойдутся с вами жестоко, постараются напугать.

– Кто они? Можете объяснить яснее? – совсем потеряв терпение, почти прокричала Ольга Васильевна. – Как вы могли не предупредить меня?

В ответ девушка сделал шаг назад, шмыгнула носом и вдруг заплакала.

– Постойте, ну что же вы как маленькая? Как вас зовут? – бесцеремонно хватая девушку за руку, не отступала Ольга.

Но не успела девушка вымолвить и слова, как в одном из окон послышался шум, створка распахнулась, из нее показалось покрасневшееся лицо Колбы:

– Полина-Солнышко! Куда вы пропали? Сказали, что на минутку – подышать. Поторопитесь, а то торта для вас не останется! – прокричала надрывно женщина, пытаясь заглушить звуки смеха и музыки, доносившиеся из квартиры Тимофея Михайловича.

Полина еще больше побледнела, выдернула свою руку из цепких пальцев Ольги Васильевны и скрылась за дверью подъезда, быстро постукивая тоненькими каблучками. Напоследок лишь блеснули в свете фонаря ее рассыпавшиеся по плечам волосы.

Глава 5. Пра – ле, пра!

После смерти отца Сергей взял на себя роль главы семейства. И если в первое время Ольга Васильевна его попытки вести себя как отец принимала снисходительно улыбаясь, то со временем поняла, что помощь сына, особенно в домашних делах, во многом облегчила ей жизнь.

– Выходные – это для женщин, сынок, – любил поговаривать отец, наставляя Сергея, отправляясь за продуктами на самый дорогой рынок города, – а мы, мужчины, должны обеспечить семью всем необходимым на будущую неделю.

Сейчас Сергей, конечно, не мог позволить себе выбирать парное мясо и густую сметану, прохаживаясь между лотков тружеников села, но каждое воскресенье, просыпаясь раньше матери, он отправлялся в маленький гастроном в конце улицы со списком продуктов и несколькими аккуратно сложенными синими купюрами достоинством в пять рублей. Не были исключением и выходные после дня рождения Тимыча.

Сергей встал с кровати сразу как прозвонил будильник, по-спартански бодро принял ледяной душ, сделал пятьдесят приседаний и двадцать отжиманий, аккуратно разутюживая руками складочки одеяла, заправил кровать и, надев любимый джинсовый костюм, подаренный отцом, отправился за продуктами. Но не успел он сделать и пары шагов, выйдя из подъезда, как неожиданно показавшаяся из-за угла дома учительница литературы впечаталась в него со всей силы, держа в руках латок с тридцатью куриными яйцами.

– Да что же это за наказание! – воскликнула девушка, простирая вперед руки, рассматривая стекающие с плаща желтые скользкие подтеки, смешанные с белой колючей скорлупой от разбившихся яиц. – Это же мой новый плащ, откуда ты только взялся на моем пути?

Увидев, что куртка Сергея пострадала гораздо больше, чем ее плащ, Полина Андреевна уже была готова рассмеяться и сказать, что они теперь друзья по несчастью, но юноша покраснел и, смахнув с себя остатки прилипших яиц, недовольно процедил:

– Это вы влетели в меня и даже не извинились!

Потом резко отвернулся и широко ступая пошел обратно домой, что-то бормоча себе под нос.

Он знал, что эта девушка живет в квартире напротив, и все зовут ее Полина-Солнышко. Но он никогда не видел, какую прелестную тень оставляют ее длинные ресницы на белой коже лица и как волнующе она облизывает свои чувственные губы, перед тем как начать говорить. Зайдя в подъезд, Сергей устыдился, что оставил девушку, пусть даже легкомысленную и неуклюжую, без помощи посреди улицы. Он недовольно выдохнул и решил вернуться, но рядом с Полиной уже хлопотал тучный мужчина с красным лицом и пушистыми усами.

– Ах, Лев Борисович, спасибо, – собирая остатки разбитых яиц в раскрытый мужчиной полиэтиленовый пакет, говорила Полина, периодически поглядывая на свои измазанные руки. – Простите, что испортила вам поход в магазин, во что же вы теперь будете складывать продукты?

– Ничего, Полиночка, сбегая домой за авоськой, у моей Нины Ивановны этих авосек хранится в кладовке уйма, и все разных цветов, – успокаивал ее мужчина, обтирая полы ее плаща клетчатым носовым платком, а потом, пожимая плечами, спросил: – Вот только я не пойму: если вы не упали, то как получилось разбить все яйца?

Сергей замер в открытых дверях, ожидая, как Полина Андреевна начнет на него жаловаться Льву Борисовичу и корить за то, что попался ей на пути. Но девушка ни словом не обмолвилась о Сергее:

– Сама не понимаю, как так получилось. Еще раз спасибо вам за помощь, Лев Борисович. Я побегу смывать с себя этот гоголь-моголь, – на ходу прокричала молоденькая учительница и направилась к двери, за которой притаился Сергей.

Лев Борисович вернулся домой за авоськой и рассказал жене о происшествии с Полиной-Солнышко. Нина Ивановна сделалась недовольной. И не потому, что муж пожертвовал для Полины импортным пакетом с изображением ее любимого киноактера, позволив собрать в него разбитые яйца, а потому что вся эта история приключилась именно с женщиной, и причем молоденькой. Муж Нины Ивановны обладал морем достоинств и всего двумя пороками – любовью к спиртному и женскому обществу.

Когда Лев Борисович еще был юн и носил имя Левушка, то считался душой компании. Этаким балагур, весельчак, на зависть всем подругам, и, заполучив его в мужья, Нина Ивановна была несказанно рада и довольна собой. Но жить с таким мужчиной оказалось намного сложнее, чем встречаться. Теперь его дружелюбная открытость и любовь к обществу женщин уже не казались такими забавными. Лев Борисович, привыкший к разгульному образу жизни, много пил, а напившись, увивался за всеми юбками, которые попадались на его пути.

Мать Нины, прожившая всю жизнь в деревне и предпочитавшая учению марксизма-ленинизма всякого рода старинные обряды, видя, как страдает дочь, предложила сходить к знахарке, но Нина Ивановна считала себя человеком науки и опуститься до наговоров и колдовства не могла. Она связалась со своей одногруппницей по химическому факультету, которая работала на фармакологическом предприятии, и они вместе разработали средство, вызывающее непереносимость алкоголя. Так Лев Борисович превратился из мужа в подопытного. Каждое утро дрожащими руками Колба украдкой подсыпала мужу в еду крохотные кристаллики. Несколько раз подруги меняли формулу, и вот, кажется, достигли успеха. Но если к алкоголю Лев Борисович охладел, то к женщинам едва ли. Поэтому химичка решила действовать превентивно – она пресекала все попытки общения наедине Льва Борисовича с молоденькими учительницами.

Сергей вернулся домой грязным и раздосадованным, и с удивлением обнаружил, что мать уже хлопотала на кухне.

Несмотря на пугающее послание на доске в кабинете 26, слухи про проклятую квартиру и странный разговор с соседкой Полиной-Солнышко, Ольга не покинула ни учительский дом, ни саму школу-интернат. Она не считала себя смелой, вот ее покойный муж – да, тот никогда ничего не боялся. Казалось, жизнь для него была большим приключением. Ольга была человеком иного склада, она даже в юности старалась не ввязываться в какие-то сомнительные истории. Но просто так сбежать поджав хвост из-за глупого предупреждения на доске в классе труда ей мешала не смелость, а гордость. Гордости у Ольги Васильевны было в избытке, за это качество ее часто журили в детстве, однако оно оказалось прекрасным спутником в противостоянии с невидимым соперником, в которое пионервожатая оказалась невольно втянутой. Ее, конечно, тревожил страх снова быть где-нибудь запертой или, того хуже, покалеченной, но она старалась всячески гнать эти мысли.

Чтобы как-то вернуть себе выбитую из-под ног почву, Ольга Васильевна решила обратиться к недавним традициям из прошлой жизни в роли жены полковника. Она хотела устроить воскресный обед, но, поразмыслив, превратила его в завтрак – количество блюд сократила, но все же накрахмаленные белые скатерти и салфетки, фарфоровые сервизы и хрустальные бокалы по-прежнему присутствовали на ее столе. И конечно же, сидеть за таким столом позволялось только одетым с иголочки.

Вожатая встала раньше обычного и сразу отправилась на кухню. Хотелось приготовить как можно больше угощений, чтобы побаловать детей, часто с грустью вспоминавших их прошлую роскошную жизнь. Но был у Ольги еще один тайный повод хлопотать. Она пригласила на завтрак Родиона. Идея позвать соседского паренька на завтрак зародилась у Ольги Васи-

льевны с первых дней их знакомства. Вначале ей хотелось отблагодарить его за помощь при переезде, затем за то, что именно он постепенно и с юношеским задором помог освоиться в непривычной обстановке таинственного учительского дома.

Со временем вожатая поняла, что в семье Родиона не все благополучно, а когда стала встречать его в столовой интерната, то дала себе слово приготовить то, чего не подают в общепите, и пригласить его на самый роскошный завтрак. Но как ни была Ольга Васильевна добра и милосердна, в сегодняшнем приглашении Родиона появились и корыстные мотивы. Зная его популярность среди старшеклассников интерната, Ольга хотела выведать у гостя, кто из ребят, а главное зачем, запер ее в кабинете труда. Оказывается, даже самый великодушный, добросердечный человек остается до конца бескорыстным только до того момента, пока ему не угрожает настоящая опасность.

Вожатая быстро нажарила стопку блинов и одни начинила творогом, другие мясным фаршем, закрутив в аккуратные трубочки, выложила их на фарфоровое блюдо из столового сервиза. Затем приготовила французские тосты, макала овальные кусочки батона в смесь из молока и взбитых яиц. Закончив с тостами, разложила по металлическим формочкам заготовленное с вечера жидкое тесто для творожных кексов с изюмом и, поставив их в духовку, начала варить чернично-малиновый кисель из перетертых с сахаром ягод. И только когда стала начинать запеченные яблоки грецкими орехами, смешав их с диковинной финиковой пастой из старых запасов, в кухню заглянула Ника.

– Мам, как вкусно пахнет! Я сейчас умоюсь и помогу тебе.

– Причешись получше и надень платье в горошек, то, которое купили в Сочи, у нас к завтраку гость.

– Гости создают отличное настроение даже осенью! – послышался голос Сергея, и в кухне появился юноша уже при полном параде: в наутюженных брюках и голубой рубашке. – Я раздвинул стол и постелил скатерть, что носить?

Ольга Васильевна улыбнулась, радуясь, что ее дети повзрослели, – они казались ей самыми дружелюбными и добрыми, а главное, всегда готовы были помочь. Отвернувшись к плите, она смахнула накатившуюся слезу радости и сожаления, что муж не дожил до этой минуты. Мысль о том, что она теперь звалась печальнейшим из слов – «вдова», а дети лишены мужского воспитания, тревожила Ольгу все чаще.

Когда стол был накрыт и Сергей внес литровый фарфоровый чайник с кипятком и водрузил его в центре, Ольга Васильевна, поправляя у зеркала прическу, загадочно улыбнулась и поинтересовалась:

– А почему вы не спрашиваете, кто будет нашим гостем?

Ребята в один голос выпалили:

– Понятно кто – Тимыч!

Женщина на мгновение потеряла дар речи, она хотела протестовать и стыдить детей за такое предположение, но в дверь позвонили.

– Сережа, открой, – попросила Ольга Васильевна, уверенная, что дети, готовые принять чужого мужчину, с удовольствием примут и этого ее гостя.

Когда в гостиной появился Родион, и Ольга Васильевна сообщила, что именно он приглашен на сегодняшний завтрак, Сергей, не скрывая своего недовольства, заявил, что должен отправиться на пробежку, перед которой нельзя есть и даже пить. И как ни старалась мать укоризненным взглядом вернуть его за стол, он лишь надменно фыркнул и даже не соизволил для пущей убедительности сменить туфли на кеды, прошептал в коридор и удалился, громко хлопнув дверью на прощание.

Ника тоже была не в восторге от такого неожиданного появления Родиона. Она, конечно, задумала отбить его у Лоры и даже выстроила определенную стратегию, но то, что он теперь знал ее тайну и она имела неосторожность разоткровенничаться с ним в гараже Льва Борисо-

вича, ее смущало. Оттого Ника хотела последовать за Сергеем, но Ольга Васильевна крепко схватила ее за руку и, сверля глазами, твердым голосом попросила сходить на кухню и проверить, не пора ли доставать штрудель из духовки.

– Родион, ты как относишься к штруделю? – спросила вожатая, стараясь сгладить неловкое начало его визита.

– Родик навряд ли знает, что такое штрудель вообще, – высокомерно процедила Ника, отправляясь на кухню.

Девушка поняла, что уйти как брат ей не удастся, поэтому решила хотя бы потрепать неудобному для нее гостю нервы.

Сначала Ника собиралась присыпать сверху штрудель вместо сахарной пудры солью, но Родик мог из-за этого подумать, что ее мать не умеет готовить, и тогда она решила посолить кисель. Налив в высокий тонкий стакан тягучий ягодный напиток темно-вишневого цвета, она всыпала туда две столовые ложки соли и, тщательно перемешав, украсила край надрезанной долькой лимона. Затем, озорно улыбаясь, схватила в руки кучу ножей и вилок разных размеров, включая приборы для стейков и рыбные, вышла в гостиную, проговорив сладким голосом:

– Ах, мамочка, ты столько блюд наготовила, я думаю, нужно добавить приборов, – воскликнула она и молниеносно разложила с обеих сторон от тарелки Родиона по три ножа и вилки. Сама же, положив ему несколько блинов, сырники, плюхнув рядом сметану, села напротив. «Небось возомнил из себя героя, мама моя с ним дружит, играет в ВИА, девчонки в классе по нему сохнут, а я, значит, бедная раненая птичка без отца, ну ничего, посмотрим, кто кого», – думала Ника в ожидании, какие приборы он предпочтет.

Ольга Васильевна, разгневанная поведением своих отпрысков, еще десять минут назад казавшихся ей такими милыми и воспитанными, решила вмешаться, но Родион ее опередил. Он понял, что зазнавшиеся дети вожатой считают его недостойным их общества, и этот факт хлестко ударил по самолюбию юноши. Привыкший быть душой любой компании, он на какой-то момент даже растерялся от такого унижения, но вовремя совладал с нервами:

– Ольга Васильевна, ваша дочь права – вы столько всего наготовили, наверное, вкусно-тища, – проговорил Родион, гордо вскинув голову, а потом перевел взгляд на свою одноклассницу в шикарном шелковом платье и, прищурив глаза, продолжил: – Только вот ты зря, Ника, волновалась с вилками и ножичками. Я человек дикий, блины привык есть руками.

Он чувствовал, как от волнения заколотилось сердце, как обида сковывает тело, но решил сыграть свою роль до конца. «Если уж они считают меня невежей, неотесанным чурбаном, даже не знающим, что такое штрудель, пусть наслаждаются этим зрелищем сполна», – подумал Родион, схватил с тарелки блин руками и весь целиком затолкал в рот. Измазавшись сметаной, он начал специально громко чавкать и сопеть, а когда наконец все же проглотил еду, которая от обиды не лезла в горло, хотел ее запить и сделал большой глоток киселя.

От мерзкого горько-соленого вкуса у него загло во рту и хотелось плевать и кашлять, но ни один мускул не дрогнул на его симпатичном лице. Только на точеных скулах появилось несколько красных пятен, но гордость не позволила дать возможности Нике насладиться его унижением. «За что она наказывает меня? За поцелуй? За Лору или что узнал ее секрет?» – недоумевал Родион, скользя ледяным взглядом сначала по ее смеющимся глазам, затем по алым губам, которые были готовы растянуться в надменной улыбке, и залпом выпил все содержимое стакана до самого дна. Поставив стакан на стол, он потянулся за льняной салфеткой, но потом усмехнулся, вытер рот рукавом и, сделавшись мертвецки бледным, громко произнес:

– Спасибо, Ольга Васильевна. Все было очень вкусно, особенно удался кисель. Но мне пора, еще нужно конюшни от навоза очистить.

Сказав это, он громко и надрывно запел, удаляясь в прихожую: «Мы пионеры, дети рабочих!».

Видя, как гость уходит, Ника устыдилась, что повела себя так по-детски. Ей очень хотелось, чтобы Родион остался, и они мило сидели бы за столом несколько часов кряду. Он бы, помогая разлить чай из горячего фарфорового чайника, рассказывал о своих приключениях, о детстве, а может, даже о матери. Потом бы, на правах мужчины, принялся разрезать штрудель и хвалил кулинарные способности хозяйки дома. А после завтрака, может, даже сыграли бы в лото или мафию. Но она все испортила, как это бывало уже не раз в ее жизни, – сама взяла и собственными руками испортила отличный момент.

Входная дверь уже второй раз за утро презрительно хлопнула, и в квартире воцарилась гнетущая тишина. Ольга Васильевна тяжело вздохнула и обреченно опустила в кресло:

– Зачем ты, Ника, так обидела парня? Ладно Сережка. Они почти одного возраста, на одной территории – конкуренция. Но ты-то что? Какая муха тебя укусила? А эта его песня... Как неловко! В чем-то он прав, я теперь пионервожатая, и весь этот мещанский шик здесь неуместен.

Девушка не ответила. Она грустно сидела за столом, заставленным нетронутыми яствами, и водила чайной ложкой по пустой тарелке, боясь поднять глаза на мать, которая не верила, что ее воскресный завтрак обернулся настоящей катастрофой.

– Он же каждое утро завтракает в интернатской столовой кашей или омлетом, а вчера ему вообще не дали еды, сказали, что отец не успел внести деньги за этот месяц, и порции для него нет. А он же взрослый парень, представляешь, как ему было стыдно? Школа не должна о нем заботиться, потому что он не сирота, так и родители о нем забыли – продолжила вожатая, все сильнее проникаясь жалостью к Родиону. – Ты не представляешь, Ника, как ему было неловко. Он стоял на виду у всего класса с пустой тарелкой в руках, красный как рак, но все же пытался, сохранив достоинство, перевести ситуацию в шутку. А тут еще Лора встала и давай ему уступать свою еду.

Ольга Васильевна поднялась и, подойдя к столу, начала собирать чистые тарелки, чувствуя, как в душе зарождается гнев неудовлетворенности собой, поведением детей и жизнью в целом.

– Вы верно хотели показать, что он недостаточно хорошо воспитан для вас, но продемонстрировали обратное! Потому что хорошие манеры – это прежде всего человечность! Мне было стыдно за вас!

С остервенением счищая в урну остатки еды, Ольга смахивала слезы, которые тяжелыми каплями падали в мусорное ведро. Все вокруг и она сама казались ей теперь неправильными, неуместными. Может, тот, кто написал на доске, чтобы она убиралась, был прав, думала Ольга. Может, она оскорбляет все ценности, которые должна воплощать, поэтому ей не место в школе?

Приближался воскресный полдень. Ольга Васильевна услышала знакомую мелодию «Утренней почты», доносящуюся из телевизора в гостиной, и пошла на звук, но не с интересом, как обычно, а с явным раздражением. Ника уже притащила из своей комнаты катушечный магнитофон, установила его перед телевизором и приготовилась записывать песни. Ольга была обескуражена ее беспечностью и решила проучить Нику за утреннюю выходку. Точнее, попытаться повести себя как настоящий педагог.

Немногим раньше Ольга Васильевна задумала создать отряд барабанщиц из девочек старших классов, и так как десятиклассниц учить не было смысла – не успеешь натренировать, как они выпустятся, – то жребий пал на девятые классы. А тут еще выяснилось, что отличница Наташа Мухина недавно была в пионерском лагере «Артек», как раз в отряде барабанщиц, и теперь знала все секреты этого мастерства. Она изучила нужные команды, требования к форме, огромное количество маршей и с удовольствием согласилась помочь Ольге Васильевне.

Репетиция была назначена на час дня. Ольга, разгневанная на свою дочь за неподобающее поведение за завтраком, угрожающе нависла над уставившейся в телевизор Никой. Но когда не последовало никакой реакции, пионервожатая заслонила своей фигурой экран и скомандовала:

– Собирайся, идем в школу! Теперь ты будешь в отряде барабанщиц.

– Я не хочу быть в каком-то дурацком отряде, – приняла попытку сопротивления Ника. – Если бы еще одной выступить в красивой форме перед всей дружиной, куда ни шло, но маршировать как безликий солдат в отряде из тридцати человек – это уж слишком!

– Будем считать, что это наказание. Может, форма и марши тебя приструнят. Твои выходы становятся все более жестокими. К тому же научишься быть частью коллектива.

Девушка хотела еще что-то возразить, даже уже открыла рот, чтобы привести новые аргументы, но вместо этого пристыженно проямлила:

– Ладно, мам.

Мать снова была ей недовольна, и на Нику обрушилась очередная волна ненависти к себе.

– Отправляйся в кабинет истории, там собираются девочки. Наташа Мухина познакомит вас с правилами и разучит с вами самый простой марш. А я присоединюсь позже.

– А где взять барабан?

– Пока без барабанов, руками по коленкам. Барабаны привезут в конце недели. Потом у вас будет и отличная форма на зависть всем, и участвовать вы будете не только в школьных мероприятиях, а в самых значимых праздниках и парадах города. Главное – научиться слаженно барабанить, и не только стоя, но и маршируя, поэтому работа предстоит сложная, но интересная, – воодушевленно начала рассказывать о своих планах Ольга Васильевна, в одночасье позабыв о том, что злилась на Нику.

Спустя примерно полчаса Ника зашла в кабинет истории, который был закреплен за их 9 «А» классом, и машинально села за свою парту. Настроение у нее было прескверное. Все были ей недовольны – и мама, и Родик, – ей снова хотелось навредить себе. Она не находила себе места, нервно ерзала на стуле. Потом на глаза ей попались ногти, на которые она только вчера вечером нанесла перламутровый лак. Решив, что недостойна этого поблескивающего розового маникюра, Ника с остервенением начала соскребать его.

В классе появились Лора и Наташа Мухина, они громко спорили на ходу, и даже присутствие Ники не остудило их пыл.

– Ты не можешь быть командиром отряда! – поднимая плечи сердилась Мухина.

– Это почему?! – возмущалась Лора.

– Да потому что ты не знаешь ни одного марша, у тебя нет опыта ходить строем.

– Зато у меня есть опыт командовать, а это главное для командира! – уже переходя на крик доказывала Лора свою правоту.

Мухина закатила глаза и стихла на какое-то время, а потом уселась за учительский стол, разложила тетрадки, привезенные из «Артека», и все еще раздраженно произнесла:

– Тебя все равно Ольга Васильевна не сделает командиром.

– И почему же?

– Да потому что ты лысая! – выпучив глаза выпалила Наташа и сама испугалась своих слов.

– А ты вообще жирная! – закричала Лора, выходя из себя, и, подбежав к Мухиной, схватила ее артековскую тетрадку, которой та безмерно гордилась, кинула на пол и начала топтать ногами, а потом, поддев носком туфли, швырнула в угол класса.

Наташа от негодования возмущенно завопила и, как дикая кошка, подскочила к Лоре, схватила ее за шарф, неизменно закрученный вокруг шеи, и со всей силы потянула за концы.

Лицо Лоры сначала покраснело, а потом начало приобретать синюшный оттенок. Она закашлялась и с силой оттолкнула Мухину:

– Отвали! – заревела, все еще откашливаясь. – Тебе конец!

Наташа села прямо на пол и начала с остервенением собирать остатки своей разорванной тетради и отряхивать уцелевшие листы.

– Это тебе конец! – процедила она.

– Мечтай, – бросила Лора, демонстративно вальяжно шествуя к своей парте.

– Я знаю про первое мая! – резко вставая заявила Наташа, будто прожигая взглядом затылок Лоры.

Мухина лица Лоры не видела, а вот Ника успела заметить, как на секунду расширились ее глаза и будто нервный спазм пробежал по щеке. Но в остальном Лора не выдала себя, она сделала еще несколько уверенных шагов и громко опустилась на стул рядом с Никой. Потом заговорила с ней, словно Наташи не было в классе.

– Видишь, ящик один изуродован?

– Да, – ответила Ника, скользя взглядом по книжному гарнитуру, где один из ящиков уродливо набух, налезая на полку с книгами. – Что случилось с этим ящиком? Его будто разорвало изнутри, – спросила Ника, не понимая, к чему клонит Лора.

– Мы всем классом хотели попасть на молодежный городской фестиваль, а Тимыч пообещал, что ответит нас, если хорошо напишем контрольную по истории. Только мы не подготовились к ней. И тогда Родик и решил поджечь ящик, в котором лежали наши листочки с ответами. Нет листочков – нет доказательств, что контрольную провалили.

– И что, сработало? Вы попали на фестиваль?

– Нет, не попали. Тимыч за эту выходку наказал нас вдвойне. Запретил даже смотреть фильмы в школьном кинозале, а Родика отстранили от занятий на неделю, даже исключить хотели.

– И кто же на него донес? – беспокойно сжимая пальцы спросила Ника.

– Староста класса, отличница и подлиза – Наталья Мухина, конечно! – объявила Лора.

От такого заявления Наташа совсем побледнела. Она до боли сжала зубы, перестав дышать, но потом чуть не задохнулась от негодования, прокричала:

– Это вышло случайно!

– А знаешь, что хуже всего, Ника, – я об этом знаю, ты знаешь, а вот Родик – нет! – ехидно вглядываясь в глаза совершенно раздавленной Наташи, рассуждала Лора.

Она уже поняла, что Мухина у нее на крючке и сделает что угодно, только бы Родион не узнал, что она его предала. Лора была уверена – теперь ее страшная тайна, связанная с событиями ночи с первого на второе мая, в безопасности. Но этого ей было мало, она хотела растоптать Наташу окончательно, чтобы та не смела посягать на ее авторитет.

– Неси сюда свою тетрадь! – приказала Лора. И Наташа повиновалась. Она, смиренно наклонив голову, положила перед Лорой свою реликвию.

– А теперь читай вслух! – настаивала Лора.

Наташу душили слезы, и она сбивчиво начала лепетать:

– Пра-ле, пра-ле,

Пра-пра-ле, пра-ле,

Пра-ле, пра-ле,

Пра-пра-ле, пра...

– Громче! – не унималась Лора. – Громче!

– Пра-ле, дробь,

Пра-ле, дробь,

Пра-пра-ле, пра-ле,

Дробь, дробь, дробь, – захлебываясь слезами, выкрикивала марш Мухина.

– Ну вот же, другое дело, – смотря снизу вверх на свою поверженную соперницу, самодовольно заявила Лоры. – А ты говорила, что я не смогу быть командиром отряда барабанщиц.

Глава 6. Непрошенный гость

Ольга Васильевна тем временем собиралась отправиться в ателье, чтобы заказать барабанщикам парадную форму. Зная, что модистки встречают клиентов по одежке, она нарядилась в свою самую дорогую блузку, привезенную мужем из заграничной командировки, заправила ее в кримпленовую юбку-четырехклинку и повязала на шею газовый шарфик.

Прежде чем выйти из квартиры, Ольга решила открыть форточку для проветривания. Торопливо отдернула портьеру и вдруг вскрикнула от ужаса:

– Ах, что это?!

Перед самым ее окном, на фоне чистого голубого неба болтались ноги подвешенного человека. Страх, моментально сковавший тело женщины, не давал возможности сдвинуться с места. Она стояла словно прибитая гвоздями к полу и почему-то вспоминала картину Репина «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре». Ощувив себя той самой царевной, запертой в келье, перед окнами которой царь Петр подвесил несколько трупов казненных стрельцов, Ольга Васильевна зажмурилась, понимая, что над их квартирой жили учитель физики со своим сыном. И постукивающие по стеклу ноги, вздрагивающие в предсмертной агонии, скорее всего, принадлежали Родиону.

– Повесился! – воскликнула вожатая. – Точно, из-за нашего завтрака!

Женщина хотела позвать на помощь, потом решила – вдруг ее просто опять хотят напугать, – но все же бросилась спасать повешенного.

Без верхней одежды, зачем-то прикрывая рот рукой, Ольга выскочила на улицу и, обежав дом с правой стороны, дрожа всем телом, начала поворачивать за угол, чтобы оказаться под окнами своей квартиры. Она так волновалась, что внезапно начала икать, поэтому набрала полную грудь воздуха и сделала решающий шаг, и тут же наступила на расстегнутый портфель коричневого цвета с металлическими застежками. Рядом валялись несколько карандашей и учебник алгебры для девятого класса.

– Хотя бы он еще был жив, – прежде чем поднять глаза, начала причитать женщина и тут же услышала голос Родиона.

– Ольга Васильевна, отойдите в сторонку, а то я ненароком могу вас зацепить!

– Родион, что ты там делаешь? – вздрогнув от неожиданности закричала вожатая, задрвав голову.

– Хотел спрыгнуть, но штанами зацепился за проволоку, на которой сушится рыба.

– Почему решил спускаться с балкона, почему не вышел через дверь?! – делая шаг назад, все еще продолжала волноваться вожатая, и не успела опомниться, как рядом с ней гулко приземлилось тело Родиона. – Все в порядке? Не ушибся?

– Да что со мной делается, я же проделывал это сотни раз.

– Зачем? – недоумевая произнесла Ольга Васильевна, наблюдая, как юноша собирает свои пожитки.

– Да с батей поссорились, и он меня запер, а сам свалил куда-то.

– И куда ты пойдешь?

– Сейчас домашку в подвале сделаю и к друзьям.

– В подвале сегодня батареи меняют, сварщики тебя не впустят.

Родион задумчиво почесал голову и стал оглядываться по сторонам, явно прикидывая в голове, куда бы ему податься. А Ольга Васильевна наконец почувствовала, что выбежала на улицу без верхней одежды, и, быстрее направляясь в сторону входа, поглядывала на наручные часы:

– Ого, сегодня я в ателье точно не успею, – потом перевела взгляд на юношу и уверенно предложила:

– Знаешь что, дружок, давай бери свой портфель и пошли к нам. Попьем чайку, закончишь делать уроки, а потом решим, что дальше делать.

– Не пойду я к вам, Ольга Васильевна, мне хватило сегодняшнего завтрака. Ваши детки меня за человека не считают.

– Ну это ты зря так думаешь. Их реакция была направлена не против тебя, а против меня скорее. Они же от ревности взбеленились. Не хотят мою материнскую любовь делить еще с кем-то, – начала объяснять женщина, забирая из рук Родиона тетрадь и ручку. – Так что вставай и пошли. Я ведь это тоже не сразу поняла. Они у меня хорошие ребята, к тому же сейчас дома никого нет. Ника на репетиции, а Сережа придет поздно.

Пить чай Родион отказался и вообще дал себе слово, что ни крошки не проглотит в этом доме, даже если его будут пытаться раскаленным железом. И за письменный стол Сергея садиться не стал, хоть Ольга Васильевна убеждала его, что сын вернется с комсомольского собрания часам к десяти вечера. Он разложил свои неопрятные тетрадки и несколько учебников на обеденном столе, потом взял ручку с погрызенным колпачком и задумчиво уставился на картины, висевшие на стене.

– Вы что же, Никины детские рисунки до сих пор храните? – поинтересовался он, вглядываясь в яркие изображения желтой головы быка и еще каких-то цветных линий, напоминающих петуха.

– Это не детские рисунки, это лучизм, репродукции из Третьяковской галереи, – отозвалась вожатая, занявшаяся оформлением альбома школьной летописи.

– Не знаю, по-моему вас обманули, это же чистой воды каракули.

– Лучизм – стиль в живописи, придуманный Михаилом Ларионовым, он прародитель авангарда в России, – не отрываясь от работы старалась разъяснить Ольга, – но в середине своего краткого рассказа про то что мы видим не сами предметы, а отраженные от них лучи и в этом и есть суть, она наконец решилась задать вопрос, который уже давно повис в воздухе, – а почему вы поссорились с отцом?

Родион несколько минут сомневался отвечать или нет, но потом почесал бровь и небрежно произнес:

– Он хочет контролировать каждый мой шаг и считает, что мои друзья – отбросы, поэтому на выходных частенько меня запирает.

– А ты?

– А что я? Я встаю и выхожу через балкон. Он, конечно, не ожидает, что я так делаю, и страшно разозлится, когда узнает.

– Ну ничего, – стала успокаивать его Ольга Васильевна, – в окно мы увидим, когда отец вернется, и ты с ним постарайся помириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.